

ДЖЕЙМС ДЭШНЕР



БЕГУЩИЙ В ЛАБИРИНТЕ

ЛЕКАРСТВО ОТ СМЕРТИ

Фильм студии Двадцатый Век Фокс

Бегущий по Лабиринту

Джеймс Дэшнер

Лекарство от смерти

«АСТ»

2011

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

Дэшнер Д.

Лекарство от смерти / Д. Дэшнер — «АСТ», 2011 — (Бегущий по Лабиринту)

ISBN 978-5-17-106637-6

Ужасы Лабиринта и испепеляющей Жаровни больше не грозят глэйдерам. Неужели зловещие испытания подошли к концу? Как бы не так! Выведав планы ПОРОКА, Томас снова вынужден отправиться в путь ради спасения себя и своей команды. Вместе с верными друзьями и союзниками Хорхе, Брендой и Минхо он бежит в Денвер – последний из уцелевших на Земле городов, в надежде отыскать недостающие части головоломки, от разгадки которой зависит выживание всего человечества. Приключения отважных глэйдеров – бегущих ради жизни – продолжаются!

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-106637-6

© Дэшнер Д., 2011
© АСТ, 2011

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвертая	13
Глава пятая	15
Глава шестая	19
Глава седьмая	22
Глава восьмая	25
Глава девятая	27
Глава десятая	28
Глава одиннадцатая	30
Глава двенадцатая	33
Глава тринадцатая	35
Глава четырнадцатая	37
Глава пятнадцатая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джеймс Дэшнер

Лекарство от смерти

James Dashner
THE DEATH CURE

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Dystel & Goderich Literary Management и Andrew Nurnberg

© James Dashner, 2011
Школа перевода Баканова, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

Посвящается моей маме, самому лучшему человеку на Земле

Глава первая

Сводить с ума начал запах.

Не одиночество, длившееся неделями, не белые стены вокруг, не отсутствие окон и постоянно горящие лампы. Ничто из этого больше не волновало. У Томаса забрали часы и кормили каждый раз одним и тем же блюдом: ломтик ветчины, картофельное пюре, свежая морковь и кусок хлеба. С Томасом не разговаривали, в комнату никто не входил. Ему не оставили ни книг, ни телевизора, ни видеоигр.

Изоляция длилась уже недели три – если, конечно, Томас правильно рассчитал время. Полагаться приходилось исключительно на инстинкт, чтобы верно определять, когда наступает ночь, и высыпаться по-человечески. Томас ориентировался по часам кормежки, хотя ему казалось, что паек приносят нерегулярно. Словно пленника намеренно стараются сбить с ритма.

В комнате с мягкими стенами, полностью лишенной красок, единственным исключением был почти не приметный унитаз из нержавеющей стали (в углу) да старинный деревянный стол. На кой он Томасу? Непонятно. Сиди один в невыносимой тишине, времени – вагон, размышляй, как развивается у тебя в организме зараза. Вспышка, вирус, постепенно уничтожающий все человеческое.

И ничто из этого не изводило Томаса так, как вонь от собственного немытого тела. Из-за нее нервы звенели перетянутыми струнами, крошились кирпичики здравомыслия. С момента, как Томас очнулся, ему не позволяли мыться, не давали смены белья, вообще ничего для соблюдения гигиены. Хватило бы тряпки – обмакнуть в стакан с водой и обтереть хотя бы лицо. Но у Томаса была только пижама. Даже спальное место не обустроили: он дремал, пристроив зад в углу и спрятав руки под мышки, пытаясь сохранить хоть немного тепла – что удавалось лишь изредка.

Томас и сам не мог понять, отчего его так пугает вонь собственного тела. Возможно, запах – первый признак того, что тело он уже начал терять? Вопреки рассудку разум подкидывал картины – одна ужасней другой – о том, как гниют члены и внутренние органы превращаются в тухлое месиво.

Глупо, и тем не менее Томас боялся. Его досыта кормили, он не испытывал жажды, спал вволю и частенько упражнялся до изнурения, часами бегал на месте. Логика подсказывала, что если он и гниет заживо, то дело вовсе не в вялом сердце и легких, однако он почти убедил себя: в организме поселилась смерть, и вскоре она поглотит его целиком.

И когда эти темные мысли завладевали Томасом, он размышлял: не соврала ли Тереза, сказав, что он внезапно слетел с катушек, взбесился, а значит, поражен Вспышкой? Что, попав в эту страшную комнату, он уже был болен? Бренда и та предупредила о грозящих переменах к худшему. Так, может, они обе правы?

И еще мучил страх за друзей. Что с ними? Где они?

Что с их разумом творит сейчас Вспышка? Неужели после всего пройденного им уготован такой вот бесславный конец?

В сердце закрался гнев. Как крыса, трясущаяся на холоде, в поисках тепла и крохи хлеба. С каждым днем это чувство крепло и постепенно набрало такую мощь, что Томас порой дрожал от ярости. Лишь усилием воли получалось загнать ее обратно, в глубь себя, успокоиться. Томас не хотел совсем избавляться от гнева, отнюдь – он его пестовал и берег, чтобы в нужный момент, в нужном месте отпустить на волю. ПОРОК – они во всем виноваты, они забрали у Томаса жизнь и друзей. Теперь используют бедных подростков ради якобы благих целей и плюют на последствия.

Они за все заплатят. Томас клялся в этом себе по тысяче раз на дню.

В свой двадцать шестой – наверное – день, проведенный в плену, ближе к обеду, Томас сидел, привалившись спиной к стене и глядя на дверь, на убогий стол. Он каждый раз принимал эту позу, позавтракав и поупражнявшись. Глядел и невольно надеялся, что вот сейчас дверь откроется – полностью, а не только щель в ней, через которую просовывают тарелку с едой.

Томас бесчисленное количество раз пытался отпереть дверь и постоянно обыскивал ящики стола. Неизменно пустые, они пахли кедром и плесенью, но Томас раз за разом – по утрам – проверял их. Оставить какой-нибудь сюрприз спящему – вполне в духе ПОРОКА.

Так и сидел Томас, глядя перед собой. Наедине с белыми стенами, тишиной, запахом немытого тела и мыслями о друзьях: Минхо, Ньюте, Фрайпане, прочих глэйдерах, переживших Жаровню. О Бренде и Хорхе, пропавших сразу после спасения на летающем берегу. О Гарриет и Соне, об остальных девчонках из Группы «В». Об Эресе. О том, как Бренда предупредила Томаса, едва он проснулся в белой комнате. Откуда у нее дар телепатии? И за кого эта девушка – за Томаса или же за ПОРОКА?

Но чаще всего он вспоминал о Терезе. От мыслей о ней он не мог отделаться никак, пусть даже с каждым проведенным взаперти моментом ненавидел ее все сильнее. Напоследок она успела сказать, что ПОРОК – это хорошо. К добру ли, к худу ли, однако, думая о Терезе, Томас представлял все самое дурное из произошедшего за последнее время. Внутри его закипал гнев.

Если бы не злость, не ярость, он свихнулся бы от бесконечного ожидания.

Он ел, спал, упражнялся, лелеял мечту об отмщении. Так прошло еще три дня в одиночестве.

А на двадцать шестой день дверь открылась.

Глава вторая

Томас сотни раз представлял себе этот момент: что сделает, что скажет, как бросится к выходу, свалит первого, кто войдет, и вырвется на свободу. Впрочем, подобными мыслями он скорее тешил себя, ибо ПОРОК не так прост и не даст убежать. Нет, каждый шаг надо продумывать очень тщательно.

Когда же наступил долгожданный день, дверь с легким хлопком воздуха отворилась. Томаса поразила собственная реакция на происходящее: он даже не шевельнулся. Внутренний голос подсказал: между ним и столом сейчас воздвигли невидимый барьер, как тогда, в столовой барака. Время действовать не пришло. Пока не пришло.

Вошедшему Томас удивился самую малость – это был Крысун. Посланник, сообщивший глэйдерам о «последнем» испытании, переходе через Жаровню. Крысун не изменился: все тот же длинный нос, юркие зенки, сальные патлы, зачесанные поперек крупной залысины. Тот же нелепый белый костюм... Только лицо его стало чуть бледнее. На сгибе локтя Крысун нес неизменную папку, беспорядочно набитую мятыми бумажками, и тащил за собой стул с прямой спинкой.

– Доброе утро, Томас, – сдержанно кивнул он.

Не дожидаясь ответа, запер за собой дверь и сел перед столом. Затем раскрыл папку и принялся рыться в содержимом, а когда отыскал нужную страницу, сложил поверх нее руки, вылепил на лице жалкое подобие улыбки и вперил в Томаса пристальный взгляд.

– Добрым это утро станет, когда меня выпустят, – ответил Томас. Он не говорил так долго, что с непривычки голос прозвучал хрипло, надтреснуто.

На лице Крысуна не дрогнул ни единый мускул.

– Да-да, понимаю. Ты не волнуйся, я принес целую кучу хороших вестей. Уж поверь.

Томас на секунду испытал радостный подъем и тут же устыдился собственной невольной реакции. Ничему-то его жизнь не учит.

– Хороших вестей, как же... Забываешь, что не дураков набирали.

Выдержав небольшую паузу, Крысун ответил:

– Не дураков – правда, однако интеллект не единственный критерий, по которому составлялись группы. – Он помолчал, глядя на Томаса. – Думаешь, нам это нравится? Думаешь, нравится мучить вас? Все наши действия подчинены одной-единственной цели, и вскоре эта цель тебе откроется.

Последние слова покрасневший Крысун практически выкрикнул.

– Ну-ну, притормози, – сказал Томас, осмелев на мгновение. – Остынь и расслабься, приятель. Сердце-то не железное.

Какой кайф сказать подобное в лицо этому уроду.

Крысун аж привстал, подавшись вперед. Вены у него на шее взбухли и пульсировали. Потом он присел и сделал несколько глубоких вдохов-выдохов.

– Продержи обычного мальчишку в белом ящике с месяц – и он присмирееет. Но не ты, Томас. Ты еще больше обнаглел.

– И сейчас ты объявишь, что я не шиз? Что у меня нет Вспышки? Нет и не было? – Томас не удержался. Гнев кипел в нем; Томас чуть не лопался и едва мог говорить спокойно. – Только так я не утратил рассудок. В глубине души знал, что вы обманули Терезу, прогнали меня через новый тест. Ну и куда мне дальше? Пошлете на Луну? Или в одних трусах заставите переплыть океан?

Для пушего эффекта Томас улыбнулся.

Крысун все это время следил за ним невыразительным взглядом.

– Ты закончил? – спросил вестник.

– Нет, не закончил. – Томас долго ждал возможности выговориться, однако момент пришел... а в мозгу пустота. Вылетели из головы заготовленные и отрепетированные речи. – Я... хочу знать. Все. Прямо сейчас.

– О, Томас, – тихо произнес Крысун, словно собираясь сообщить печальные известия маленькому ребенку. – Мы тебе не лгали. Вспышка есть, и ты носишь ее в себе.

Сквозь накал гнева Томас ощутил, как по сердцу резануло холодным лезвием. Ошеломленный, он не мог понять, врет ли Крысун сейчас. Не желая подавать виду, Томас пожал плечами, как будто страшной новости он ждал давно.

– Ну, крыша у меня пока не едет.

В какой-то момент – пройдя Жаровню, побыв рядом с Брендой и среди шизов, – Томас смирился с мыслью о заражении. И при этом не устал напоминать себе: разум еще цел, безумие не пришло. Пока здоровый ум – самое главное.

Крысун тяжело вздохнул.

– Ты не понял. Ты не понимаешь, чего ради я пришел к тебе.

– С какой стати я должен тебе верить? Чего ты ждешь? Я не стану больше сидеть развесив уши.

Томас сам не заметил, как вскочил на ноги. В груди глухо колотилось сердце. Надо взять себя в руки.

Крысун взирал на юношу холодными черными глазами. Какую бы ложь ни заготовил посланник, выслушать его придется. Иначе из белой комнаты не выйти. Томас ждал, стараясь дышать как можно ровнее.

Выдержав короткую паузу, гость в белом заговорил:

– Да, мы лгали вам. Очень часто. Мы поступали несправедливо по отношению к тебе и твоим друзьям, Томас, однако работали в соответствии с планом, на который ты не просто согласился, а помог нам привести этот механизм в действие. Вынужден признать, мы не рассчитывали зайти так далеко... Впрочем, все идет по схеме Создателей. Ты довел ее до ума, после того как сами Создатели подверглись... Чистке.

Томас медленно покачал головой. Он знал, что неким образом связан с Создателями. Но неужели он сам отправил людей на подобные испытания? Быть этого не может!

– Ты не ответил. Почему я должен тебе верить?

Томас и не думал признаваться, что к нему возвращается память. Сквозь покрытое густым слоем копоти окно в прошлое он частенько видел сполохи, отражения забытой жизни. Он знал, что прежде работал на ПОРОК, и Тереза – тоже, вместе они помогали создавать Лабиринт.

– Нам невыгодно держать тебя в неведении, Томас, – ответил наконец Крысун. – Больше невыгодно.

Внезапно накатила усталость, как будто силы покинули Томаса. Он осел на пол и, тяжело вздохнув, покачал головой.

– Я даже не знаю, о чем ты...

Какой смысл в разговоре, когда не веришь словам собеседника?

Крысун продолжил, и его голос звучал уже не столь отстраненно и холодно – скорее профессионально:

– Я так понимаю, ты в курсе, что по планете бродит зараза. Вирус, пожирающий рассудок. Испытания, которым мы вас подвергли, придуманы только для того, чтобы проанализировать работу мозга и составить матрицу. Окончательная цель – использовать полученную матрицу для создания лекарства. Смерть, боль и страдания... ты знал, каковы ставки, еще в самом начале. Все мы знали. Главное – спасти человечество, и мы близки к желаемому результату. Очень, очень близки.

Память возвращалась частями. Во время Метаморфозы, в снах обрывки ее мелькали в голове словно сполохи, как удары молнии. И прямо сейчас, пока Томас слушал человека в белом костюме, возникло ощущение, будто он стоит у края пропасти, а внизу, готовые вспахать и открыться во всей полноте, кружат ответы на вопросы. Томас едва мог устоять перед искушением броситься им навстречу.

Нельзя терять бдительность. Томас – часть игры, он помогал проектировать Лабиринт, не позволил программе заглухнуть после гибели изначальных Создателей.

– Я помню достаточно, и мне за себя стыдно, – признал он. – Но пережить этот садизм не то же, что его спланировать. Это совсем другое дело. Это несправедливо.

Крысун почесал кончик носа и поерзал на стуле. Должно быть, что-то сказанное Томасом задело его.

– Вечером посмотрим, как ты запоешь, Томас. Подожди. А пока позволь спросить: ты считаешь, что несколько жизней – не оправданная жертва ради спасения всего мира? – Страсть вернулась в голос Крысуна, и он подался вперед. – Это древняя аксиома, однако веришь ли ты, что цель оправдывает средства? Когда выбора не осталось?

Томас тупо уставился на Крысуна. Подходящего ответа найти он не мог.

Крысун изобразил улыбку, больше похожую на злобную усмешку.

– Напомню: когда-то ты верил. – Он принялся собирать бумажки, словно намереваясь покинуть белую комнату. С места, впрочем, не встал. – Я пришел сообщить, что приготовления закончены и данные практически полностью собраны. Мы на грани великого открытия. Вот получим матрицу – и все, можешь ныть сколько душе угодно. Хоть обречитесь с друзьями, хоть прокляните ПОРОК.

Заткнуть бы его, урезонить... Томас сдержал рвущиеся с языка оскорбления.

– Какую матрицу можно получить, пытая подростков? Вы посылали нас в ужасные места, многие гибли... Какая тут связь с лекарством от смертельной болезни?

– Самая прямая и непосредственная, – тяжело вздохнув, ответил Крысун. – Скоро ты все вспомнишь, парень, и, чувствую, о многом пожалеешь. А пока тебе следует кое-что знать, и это кое-что, возможно, тебя отрезвит.

– Что же? – Действительно, что?

Посетитель встал из-за стола, разгладил складки на брюках, оправил пиджак, заложил руки за спину и произнес:

– Вирус живет в каждой клеточке твоего тела и тем не менее не причиняет тебе вреда. И не причинит. Ты представитель группы чрезвычайно редких людей, у которых есть к ней иммунитет.

Утратив дар речи, Томас тяжело сглотнул.

– Снаружи, по улицам бродят инфицированные. Подобных тебе они зовут иммунками, – продолжил Крысун. – Они вас ненавидят. Ненавидят до мозга костей.

Глава третья

Слова не шли на язык. Сколько лжи было сказано прежде, однако сейчас Томас чувствовал: ему говорят правду. Эксперименты обретают смысл. У него, Томаса, и, наверное, у остальных глэйдеров и девчонок из Группы «В» иммунитет к Вспышке. Потому-то их и выбрали для испытаний. Каждая Переменная, каждый обман, каждая ловушка и монстр на их пути – все это части одного большого и сложного эксперимента. Эксперимента, который даст ПОРОКу лекарство.

Все встало на свои места. Даже больше: откровение пробудило память. Томас знал, о чем говорит Крысун.

– Вижу, ты мне веришь, – произнес вестник, решив нарушить молчание. – Когда мы обнаружили людей, в мозгу которых угнездился вирус, но никак себя не проявляет, из вас отобрали самых лучших. Так и родился ПОРОК. Разумеется, не все в ваших группах имеют иммунитет, и эти по-настоящему больные – контрольные испытуемые. Всякий эксперимент, Томас, требует наличия контрольной группы, для чистоты эксперимента.

У Томаса упало сердце.

– А кто не... – Договорить он не решился: побоялся услышать ответ.

– Кто не обладает защитой? – выгнул брови Крысун. – О, думаю, они и без тебя успеют выяснить. Впрочем, по порядку: ты пахнешь как труп недельной давности. Сейчас отведем тебя в душ и выдадим свежую одежду.

С этими словами Крысун подхватил со стола папку и направился к двери. Он уже собирался переступить порог, когда Томас вспомнил:

– Постой!

Посетитель обернулся.

– Слушаю!

– Тогда, перед Жаровней... почему ты соврал о лекарстве? Ты говорил, что в убежище нас будет ждать вакцина.

Крысун пожал плечами.

– Я вовсе не считаю это ложью. Пройдя испытание и прибыв в убежище, вы помогли нам собрать нужные данные. Они-то и позволят приготовить лекарство. В конечном итоге. Лекарство для всех.

– Зачем ты мне все рассказал? Почему только сейчас? Чего ради было пихать меня в комнату на месяц? – Томас обвел рукой мягкие стены и потолок, убогий туалет в углу. Обрывочных воспоминаний не хватало, чтобы вычленить смысл из происходящих странностей. – Зачем ты соврал Терезе, будто я слетел с катушек? Зачем держал меня здесь? В чем подвох?

– Переменные, – ответил Крысун. – Что бы мы с тобой ни делали, все тщательно спланировано и просчитано нашими врачами и мозгоправами. Испытания стимулируют зону поражения, в которой гнездится Вспышка. Мы исследовали паттерны эмоций и реакций, мыслей. Смотрели, как они развиваются у пораженной вирусом личности. Пытались выяснить, почему в вас они не ослабевают. Все дело в паттернах зоны поражения, Томас. Нам нужна матрица когнитивных и психологических ответов, нужна для создания лекарства. Оно – конечная цель.

– Что такое «зона поражения»? – Сам Томас этого вспомнить не мог. – Скажи, что это, и я пойду с тобой.

– Эх, Томас, Томас, – произнес Крысун. – Странно, что ты сам не вспомнил после укуса гривера. Зона поражения – это твой мозг. Его поражает вирус Вспышки, и чем сильнее отравлена зона поражения, тем более паранойальным и жестоким становится поведение человека. ПОРОК использует твой мозг и мозг тех немногих, кто не одарен иммунитетом, дабы решить задачу. – Довольный, если не сказать счастливый, Крысун позвал: – Идем же, отмоём тебя. И

кстати, на всякий случай предупреждаю: за нами следят. Попытаешься выкинуть фокус – не оберешься неприятностей.

Томас присел, пытаясь осмыслить услышанное. Ему точно говорят правду, новости совпадают с тем, что приходило в кратких воспоминаниях. До конца поверить словам Крысуна мешала укоренившаяся в сердце ненависть к ПОРОКу. Сколько они уже обманывали...

Наконец Томас поднялся, позволяя разуму самостоятельно рассортировать поступившую информацию. Сознательным анализом можно заняться и позже. Не говоря ни слова, Томас последовал за Крысуном, покинул наконец свое белое узилище.

Они шли по коридору. Коридор как коридор – длинный, пол выложен плиткой, стены бежевые и увешаны картинами в рамках: волны бьются о берег, колибри зависла у красного цветка, дождь над утопающим в тумане лесом. Над головой гудели флуоресцентные лампы.

Миновали несколько поворотов, и наконец Крысун остановился у двери. За ней обнаружилась большая уборная с рядами душевых кабинок и шкафчиков. Один из них был открыт, внутри лежали свежая одежда и обувь. Даже про часы не забыли.

– У тебя ровно тридцать минут, – предупредил Крысун. – Как помоешься и переоденешься, просто сядь и жди – я приду за тобой, и ты вновь увидишь своих друзей.

Непонятно почему, но при слове «друзья» Томас сразу вспомнил о Терезе. Попытался вызвать ее мысленно и в ответ услышал только тишину. И хоть с каждым днем Томас ненавидел ее все сильнее, пустота раздражала – как полый пузырь внутри. Тереза – ниточка, связь с прошлым. Когда-то она была ему лучшим другом, и с этим твердым знанием Томас не спешил расставаться.

Крысун кивнул:

– Увидимся через полчаса. – Он вышел и закрыл дверь, вновь оставив Томаса наедине с собой.

Томас так и не решил, что делать. Найти друзей – вот пока самое главное. И на шагжок к цели он приблизился. Он не знал, чего ожидать, зато хотя бы выбрался из белой комнаты. Наконец! Заодно и помоемся в горячей воде, отскоблит себя. Что может быть лучше!

Решив оставить на время заботы, Томас скинул засаленную одежду и стал приводить себя в божеский вид.

Глава четвертая

Футболка и джинсы. Кроссовки – точно такие, в каких Томас рассекал по Лабиринту. Чистые мягкие носки. Помывшись раз пять как минимум, Томас будто заново родился. Волей-неволей захотелось верить в лучшее. В то, что отныне он сам себе хозяин. Если б только зеркало не отражало татуировку на шее, набитую перед Жаровней. Эта метка пожизненно будет напоминать ему, через что он прошел. О чем хотел бы забыть.

Выйдя из уборной, Томас привалился спиной к стене и, скрестив на груди руки, принялся ждать: придет ли Крысун? Или оставил побродить по зданию, осмотреться? Может, началось новое испытание? И только он об этом подумал, как из-за угла раздались шаги – вернулся Крысун, как всегда, в белом, заметив:

– Ну вот, на человека стал похож.

Края губ Крысуна поползли вверх, образуя неприятную улыбочку.

В уме родилось с сотню ядовитых реплик, но Томас решил не паясничать. Надо собрать как можно больше информации и встретиться с друзьями.

– В принципе чувствую себя хорошо. Так что... спасибо. – Он вылепил небрежную улыбку. – Когда я увижу остальных глэйдеров?

– Прямо сейчас. – Крысун – сама деловитость – кивнул в сторону, откуда явился, и жестом велел Томасу следовать за ним. – Каждый из вас прошел разные тесты перед началом Третьей фазы испытаний. Мы планировали собрать матрицу уже в конце Второй фазы, однако надо двигаться дальше. Импровизируем. И тем не менее к цели мы подобрались очень близко. Теперь все вы партнеры и поможете нам в более глубоких исследованиях и тонких настройках. Надо решить задачу.

Томас прищурился. Он-то думал, что Третья фаза – это его белая комната. Как тогда поступили с прочими ребятами? Свое испытание Томас успел возненавидеть, однако мог лишь догадываться, какие кошмары выпали на долю товарищей. Лучше, пожалуй, не знать о них.

Наконец Крысун подвел Томаса к двери. Открыл ее и, не теряя времени, ступил внутрь комнаты.

Оказавшись в небольшом зале, Томас ощутил огромное облегчение: разбросанные по рядам, сидели друзья, живые, здоровые и довольные. Глэйдеры, девчонки из Группы «В», Минхо, Фрайпан, Ньют, Эрис, Соня, Гарриет... Казалось, все они счастливы – болтают, улыбаются, смеются... хотя, может, и неискренне. Им, должно быть, тоже сказали, будто дело идет к концу. И вряд ли кто-то из ребят поверил. Он, Томас, точно не поверил. До конца еще далеко.

Томас поискал взглядом Хорхе и Бренду. Он хотел видеть ее, очень, и боялся, что ПОРОК исполнит угрозу и отошлет ее назад, в пустыню. Однако здесь, в зале, ни Хорхе, ни Бренды Томас не заметил. Он хотел уже спросить о них у Крысуна, и тут сквозь общий гам раздался голос – и Томас, заслышав его, не смог сдержать улыбку.

– Стеб меня задери. Это же Томас! – провозгласил Минхо.

Зазвучали радостные крики, аплодисменты и свист. Все возрастающее облегчение смешалось с тревогой, и Томас продолжал рассматривать лица в зале. Не желая говорить и отвечать, он просто улыбался... пока не заметил Терезу.

Развернувшись на стуле в дальнем конце ряда, она встала. Все те же черные волосы – чистые, ухоженные, блестящие – обрамляют бледное лицо. Алые губы разошлись в широкой улыбке, синие глаза озарились светом. Томас шагнул было ей навстречу и сразу одернул себя. Слишком свежи в памяти образы того, как она с ним поступила. Слишком ясно помнит Томас, как Тереза твердила: «ПОРОК – это хорошо». После всего того, что ПОРОК с ними сделал!

«Слышишь меня?» – мысленно позвал Томас, просто желая проверить, не вернули ли им телепатический дар.

Ответ не пришел, не возвратилось и внутреннее ощущение присутствия телепатического партнера. Томас и Тереза стояли, глядя друг другу в глаза, наверное, с минуту. А может, всего несколько секунд. Потом к Томасу подбежали Минхо и Ньют и принялись пожимать ему руку, хлопать по спине. Друзья отвели его в глубь зала.

– Ты хоть не лежишь лапками кверху, Томми, – сказал Ньют, крепко стискивая ему руку.

Ну вот, разворчался. Сколько Ньют не видел Томаса? Радоваться надо, а он... У Минхо на губах играла все та же ухмылочка, однако в глазах читалась жесткость. Немудрено, ему тоже досталось. Еще не до конца оправившись, Минхо, впрочем, старался вести себя по-обычному.

– Могучие глэйдеры снова в сборе. Рад видеть тебя, кланкоржий... Я уж напредставлял ужасов, как тебя убивают сотней различных способов. Да и ты, поди, ревел без меня по ночам? Соскучился?

– Есть немного, – пробормотал Томас. Все еще возбужденный от радостной встречи, он не знал, что сказать.

Отделившись от основной группы, он пошел в сторону Терезы. Не терпелось поближе взглянуть на нее и спокойно подумать, как быть дальше.

– Привет, – сказал Томас.

– Привет, – ответила Тереза. – Как ты?

– Вроде неплохо. Выдалась парочка тяжелых недель. Не мог... – Тут он одернул себя. Чуть не спросил, дошли ли до нее мысленные призывы. Ну уж нет, такого удовольствия он ей не доставит.

– Я пыталась, Том. Каждый день пыталась связаться с тобой. Нас отрезали друг от друга. Думаю, на то есть своя причина. – Она взяла его за руку, и глэйдеры тут же разразились хором насмешек.

Томас одернул руку и густо покраснел – не от стыда, от гнева. Слова Терезы разозлили его, а глэйдеры приняли румянец за признак смущения.

– Ой-о-ой, – произнес Минхо. – Милее была только сцена, когда тебя стебанули копьём по роже.

– Вот она, истинная любовь. – Сказав так, Фрайпан заржал густым басом. – Не хотелось бы увидеть, как эти двое дерутся по-настоящему.

Плывать, что друзья думают, надо показать Терезе, что ничего ей так просто с рук не сойдет. Как бы ни доверял ей Томас до испытаний, кем бы они друг другу ни приходились – все это в прошлом. И если можно как-то помириться с Терезой, работать с ней, то доверять – полностью и безоговорочно – стоит лишь Минхо и Ньюту. Никому больше.

Томас как раз открыл рот и собрался сообщить об этом Терезе, но тут Крысун прошел между рядами, на ходу громко хлопая в ладоши.

– Так, все расселись по местам. Нам надо уладить несколько дел, а после мы деактивируем Стерку.

Произнес он это как ни в чем не бывало, и Томас почти не услышал слов, однако «деактивируем Стерку» отозвалось в памяти. Томас замер.

Ребята притихли, и Крысун взошел на подиум, встал за кафедру. Вцепившись в ее края, вестник в белом натянул привычную искусственную улыбку и произнес:

– Все верно, дамы и господа. Мы возвращаем вам память. Всю, до последней мелочи.

Глава пятая

Голова закружилась, и Томас поспешил сесть подле Минхо.

Он так хотел этого, так боролся за то, чтобы вспомнить прошлую жизнь, семью, детство – даже день перед тем, как попал в Лабиринт, – но сейчас сама мысль о возвращении памяти показалась невероятной. Осознав же новость, Томас понял: что-то переменилось. Он уже не так сильно желает возвращения памяти.

Он нутром – с того момента, как Крысун объявил о конце испытаний, – чувствовал, что слишком все просто.

Крысун тем временем откашлялся и продолжил:

– Всем вам в личных беседах сообщили, что испытания завершились. Надеюсь, обретая память, вы мне поверите и станете помогать в работе. Вам уже кратко рассказали о Вспышке и о назначении Переменных. Мы чрезвычайно близки к созданию матрицы. Теперь для усовершенствования наработанного материала требуются ваша поддержка и твердая уверенность. Итак, поздравляю.

– Подняться бы к тебе и дать вгрызло, – пугающе спокойно произнес Минхо. – Говоришь, будто все на мази... достал уже. Половина наших погибли.

– Крысе – вгрызло! – выкрикнул Ньют.

Поразительно, какой гнев! Через что такое прошел Ньют в течение Третьей фазы?

Крысун закатил глаза и театрально вздохнул.

– Во-первых, каждого из вас предупредили: нападете на меня – вам же хуже. Будьте уверены, за нами все еще следят. Во-вторых, мне искренне жаль тех, кого вы потеряли... однако все до единой жертвы оправданны. И меня сильно, очень сильно беспокоит вот что: никакие мои слова, похоже, не заставят вас понять истинную значимость происходящего. Ведь мы говорим о спасении человеческой расы.

Минхо резко втянул воздух через зубы. Того и гляди бросится на Крысуна, но нет, сдержался. Закрыв рот.

Плевать на то, искренне или нет говорит Крысун. Это очередной трюк. Наверняка. Кругом сплошная ложь, и тем не менее бесполезно сейчас бороться с Крысуном – что на словах, что врукопашную. Сейчас важнее терпение.

– Присохнем на время, – спокойно произнес Томас. – Послушаем, что он еще скажет.

Не успел Крысун и рта раскрыть, как Фрайпан заговорил:

– С какой стати нам верить тебе? Типа вы... это, как его... деактивируете Стерку? Вы так обошлись с нами, с нашими друзьями, а теперь хотите эту Стерку деактивировать? Подозрительно. Благодарю покорно, я лучше тупым останусь и не буду вспоминать ничего.

– ПОРОК – это хорошо, – неожиданно и едва слышно пробормотала Тереза.

– Чего? – не понял Фрайпан.

Все обернулись к Терезе.

– ПОРОК – это хорошо, – уже громче повторила она и обратилась к остальным: – Выйдя из комы, я могла написать у себя на руке что угодно, а выбрала эти три слова. Я постоянно вспоминаю их, не зря же они пришли мне на ум. Поэтому сейчас все заткнулись и слушаем. Понять происходящее можно, только если вновь обретем память.

– Согласен! – проорал Эрис, хотя его и так прекрасно было слышно.

Аудитория моментально погрузилась в хаос. Мнения разделились: глэйдеры встали на сторону Фрайпана, Группа «В» – на сторону Терезы, и все они спорили, стараясь перекричать друг друга.

– Молча-ать! – Крысун хватил кулаком по кафедре. Дождавшись, когда воцарится тишина, он продолжил: – Послушайте, никто не винит вас за недоверие. Вы работали на пре-

деле сил, у вас на глазах гибли близкие люди, и вы познали страх в чистейшем виде. Но я обещаю: когда разговоры и дела закончатся, никто из вас и не взглянет назад...

– Что, если мы не хотим? – спросил Фрайпан. – Не хотим возвращать память?

Томас с облегчением обернулся и посмотрел на друга. Фрайпан выразил его собственные мысли и чувства.

Крысун тяжело вздохнул.

– Вы правда не хотите вспоминать свое прошлое или просто не доверяете нам?

– С какой стати нам тебе верить?!

– Да будь у нас желание навредить вам, мы бы давно его осуществили. Это ты понимаешь? – Крысун на мгновение опустил взгляд. – Не хочешь вспоминать – не надо. Уйди и не мешай другим.

Блеф? Или выбор предоставили на самом деле? По тону голоса не поймешь, однако предложение удивительно.

Аудитория вновь погрузилась в молчание. Крысун, не дожидаясь вопросов, сошел со сцены и направился к двери в дальнем конце зала. Перед самым выходом обернулся и произнес:

– Вы и правда до конца жизни хотите остаться без памяти? О родителях? Семьях? Других? Неужто вы не желаете обрести хотя бы крохи света из прошлого? Ладно, нам же меньше мороки. Второго шанса вам не представится.

Томас еще раз обдумал свое решение. Да, он хочет вспомнить семью – так часто он мечтал об этом. Только... ПОРОК, его хитрости со счетов так просто не сбросишь. В новую ловушку Томас себя заманить не позволит. Он станет биться, умрет, но не впустит инженеров ПОРОКа в свой мозг. Еще неизвестно, какие такие воспоминания они ему возвратят.

Есть и еще кое-что: стоило Крысуну упомянуть Стерку, как в голове у Томаса мелькнула вспышка. ПОРОКу нельзя верить, нельзя так запросто принимать у них «воспоминания». Томас это знал, однако боялся иного. Если они говорят правду – действительно правду, – он не хотел встречаться лицом к лицу со своим прошлым. Ему не понять того человека, каким, по словам Крысуна, он был раньше. Прежний Томас ему просто не нравился.

Вот наконец Крысун покинул комнату, и Томас наклонился к Минхо и Ньюту, чтобы никто больше не услышал их разговора:

– Нам нельзя соглашаться. Ни за что.

Минхо стиснул плечо Томаса.

– Аминь. Если довериться этим шанкам я могу, то вспоминать ничего не желаю. Вон что память сделала с Беном и Алби.

Ньют кивнул:

– Надо решаться. А когда решимся, я, черт возьми, настучу кое-кому по головам. Отведу душу.

Томас хотел поддержать друга, но горячиться – пока не выход.

– Не так скоро, – сказал он. – Нельзя облажаться. Поторопимся – упустим шанс.

Томас так давно не чувствовал близость друзей, что и забыл, какая они вместе сила. Пришел конец пыткам, теперь-то уж точно. Так или иначе, они перестанут выполнять указания ПОРОКа.

Вместе они встали и пошли к двери. Томас взялся за ручку и замер – за спиной он все еще слышал голоса. Остальные ребята продолжали обсуждать предложение Крысуна, и большая часть хотела вернуть себе память.

Дожидавшийся снаружи Крысун проводил ребят по длинному коридору без окон. Остановился у тяжелой и, казалось, герметично запечатанной стальной двери.

Одетый в белоснежное, провожатый приставил пластиковую карту к квадратной консоли. Раздалось несколько щелчков, и массивный металлический прямоугольник отъехал в сторону, да с таким скрежетом, что Томас сразу вспомнил о Вратах Лабиринта.

Дальше группу ждала небольшая приемная, и за ней – вторая дверь. Крысун открыл ее той же карточкой, предварительно заперев первую. Ребята оказались в просторной и ничем не примечательной комнате: те же плиточные полы, бежевые стены. Кругом шкафчики и стойки; у дальней стены – ряд коек, над изголовьем которых висят непонятные и даже пугающие с виду устройства в виде масок из блестящего металла с пластиковыми трубками. Ну нет, Томас на себя такое надеть не позволит.

Крысун жестом указал на койки:

– Вот здесь мы и выключим Стерки у вас в мозгах. Не переживайте, деактиваторы хоть и выглядят устрашающе, процедура не так болезненна.

– Не так болезненна? – переспросил Фрайпан. – Не нравится мне это. Значит, боль мы все же почувствуем?

– Совсем чуть-чуть. В конце-то концов, на операционном столе лежать – не на солнышке греться. – Крысун прошел к большому аппарату слева от коек, оснащенному экранами, кнопками и светящимися лампами. – Мы удалим крохотное устройство из той части вашего мозга, которая отвечает за долговременную память. Не волнуйтесь, все не так плохо, честное слово.

Он нажал несколько кнопок, и комнату наполнило гудение.

– Секундочку, – сказала Тереза. – Получается, вы удалите из мозга некий прибор, который также позволяет вам управлять нашим поведением?

Сразу вспомнилось, как Тереза целовала Томаса в развалюхе посреди пустыни, как Алби извивался на кровати в Хомстеде, Галли убил Чака... Их поступками управлял ПОРОК. На мгновение Томас усомнился в правильности принятого решения. Может, пустить этих людей в свою голову? Отдаться им в руки? Но сомнение тут же исчезло, верить ПОРОКу нельзя. Томас не уступит.

– И как насчет... – продолжила было Тереза, но умолкла и взглянула на Томаса.

Он понял, о чем она не решилась спросить: о способности общаться телепатически. Не говоря уже о странном чувстве – будто Томас и Тереза обладают одним на двоих разумом.

А и хорошо бы утратить их: и телепатию, и чувство присутствия Терезы у себя в голове.

Тереза тем временем продолжила:

– Вы все удалите? Без остатка?

Крысун кивнул:

– Абсолютно все, кроме крохотных датчиков, фиксирующих паттерны ваших реакций. И кстати, нет нужды озвучивать свои мысли. Я по глазам вижу, о чем ты хотела спросить. Отвечаю: да, вы с Томасом и Эрисом больше не сможете проделывать свои маленькие фокусы. Мы отключили вашу способность на время, а теперь забираем ее насовсем – в обмен на память. Плюс не сможем больше контролировать ваш разум. Боюсь, одно без другого невозможно. Не нравится – не соглашайтесь.

Группа зашушукалась. В головах ребят роился миллион мыслей: столько всего свалилось, столько надо решить, – и все вопросы сложные. У группы есть полное право ненавидеть ПОРОК, однако злоба оставила ребят. Сейчас они стремились как можно скорее пройти процедуру.

– Бред! – заявил Фрайпан. – Понимаете? Полный бред.

Кто-то тихо застонал.

– Хорошо. Значит, мы готовы приступить к операции, – сказал Крысун. – Осталась последняя деталь. Перед тем как отключить Стерку, я должен кое-что сообщить. Лучше вам самим услышать, чем... вспомнить анализы.

– О чем это ты? – спросила Гарриет.

Внезапно помрачнев, Крысун убрал руки за спину.

– Почти все вы обладаете иммунитетом к Вспышке. Однако есть среди вас и те... кто перед ней беззащитен. Сейчас я перечислю последних, и, пожалуйста, постарайтесь принять известия мужественно.

Глава шестая

Комната погрузилась в тишину, нарушаемую механическим гулом и приглушенным попискиванием. У Томаса иммунитет, и он знает об этом (Крысун сам сказал), зато о других – о других он попросту забыл. Вернулось ощущение отвратительного страха, испытанного первый раз, когда Томас еще только узнал, что иммунитет против Вспышки есть не у всех.

– Для чистоты эксперимента и получения максимально точных данных, – вновь заговорил Крысун, – всегда нужна контрольная группа. Мы как можно дольше старались оградить вас от вируса, однако он передается по воздуху и крайне заразен.

Он помолчал, заглядывая ребятам в лица.

– Давай не тяни, – сказал Ньют. – Сильно ты нас не расстроишь, болячка так и так есть у всех.

– Точно, – поддакнула Соня. – Хватит сопли разводить, оглашай список.

Рядом беспокойно переминалась с ноги на ногу Тереза. Интересно, обладает ли она иммунитетом? Известно ли ей об этом? Наверняка. Да не будь у нее иммунитета, вряд ли ПОРОК отвел бы ей особую роль наряду с Томасом.

Крысун тем временем откашлялся.

– Что ж, хорошо. Большая часть из вас наделена иммунитетом, вы помогли нам собрать бесценные данные. Двое из вас рассматриваются как Кандидаты, но об этом позже. Итак, список. Следующие ребята беззащитны перед заразой: Ньют...

Томаса словно ударили в грудь. Он согнулся пополам и устался в пол. Крысун назвал еще несколько незнакомых имен. Томас почти не слышал его – из-за шума в голове. Просто поразительно: Томас прежде и не думал, как много для него значит Ньют. Ну конечно же, чуть ранее Крысун объяснял, что обделенные иммунитетом люди дают необходимые паттерны, помогающие понять реакцию избранных, составить данные в логически верный рисунок. Склеить их, надежно скрепить.

Склеить... Клей! Татуировка на шее Ньюта! Слово «Клей» чернеет у него на коже подобно шраму.

– Томми, давай полегче, ага?

Рядом стоял Ньют – скрестив руки на груди и вылепив на лице улыбку. Томас выпрямился.

– Полегче, значит? Этот шанк говорит, что у тебя нет защиты от Вспышки, а ты...

– Клал я на эту Вспышку, чувак. Я ведь даже не думал, что доживу до этого момента. Впрочем, времечко выдалось так себе.

Это он серьезно говорит или строит из себя крутого, храбрится? Улыбочка с лица Ньюта сходить не желала, и Томас тоже заставил себя ухмыльнуться. Пустым голосом он произнес:

– Если тебе в кайф медленно сходить с ума, а потом бросаться на младенцев с криком: «Мозги!», то горевать мы по тебе не будем.

– Вот и ладушки, – ответил Ньют. Уже без улыбки.

Томас наконец обратил внимание на остальных. Голова от обилия мыслей попросту лопалась.

Один из глэйдеров – паренек по имени Джексон, с которым Томас так толком и не познакомился, – тупо таранился в пустоту. Еще один из всех сил сдерживал слезы. Девчонки из Группы «В» окружили свою товарку – девушку с опухшими зареванными глазами, – пытаясь утешить.

– Я огласил список для ясности, – произнес Крысун. – Главным образом для того, чтобы вы помнили: суть операции – в поисках лекарства. Те, кто не обладает иммунитетом, еще на

ранней стадии болезни, и пока процесс не зашел далеко, их можно спасти. Просто испытания требовали их участия.

– Что, если вы не решите задачу? – спросил Минхо.

Крысун будто не слышал его. Он подошел к ближайшей койке и потянулся к странному металлическому прибору, свисающему с потолка.

– Мы гордимся этим устройством, шедевром медицинских технологий. Оно называется Извлекатель, с его помощью мы отключим Стерку. Извлекатель накладывается вам на лицо – не бойтесь, уродами от этого не становятся – и запускает в ушные каналы тонкие проводки. Ими он, собственно, извлекает имплантаты из мозга. Наши врачи и сестры дадут вам успокоительное, чтобы приглушить неприятные ощущения. – Помолчав, он оглядел ребят. – Вы погружитесь в подобие транса, через который прошли некоторые из вас еще в Лабиринте. Тогда это называлось Метаморфоза, на сей раз вы испытаете абсолютно другие ощущения. Боль во время Метаморфозы вызывало особое вещество, стимулятор мозговой активности. Здесь несколько таких палат, где вас всех ожидает целая команда специалистов. – Крысун снова сделал паузу. – Погодите минутку, я только предупрежу их. За оставшееся время предлагаю окончательно определиться с решением.

Он развернулся и, шелестя штанинами в полной тишине, направился к первой металлической двери. Когда же Крысун покинул комнату, ребята загомонили хором.

К Томасу подошла Тереза, прямо за ней – Минхо. Он наклонился, чтобы перекричать поднявшийся безумный гул:

– Вы, два шанка, знаете и помните больше остальных. Тереза, ты мне не нравишься и никогда не нравилась, это не секрет, однако я хочу знать, что ты думаешь.

Томасу тоже стало любопытно выслушать ее соображения. Он кивнул бывшей подруге, призывая поделиться мыслями. Какая-то малая часть его все еще надеялась, что Тереза выскажется против ПОРОКа.

– Мы должны согласиться, – произнесла Тереза, и Томас несколько не удивился. Надежда в сердце умерла окончательно. – Чутье подсказывает, что надо вернуть себе память, иначе так и останемся в неведении. Нужно действовать как можно быстрее и решительнее. Вернув память, определимся, как быть дальше.

Голова закружилась.

– Тереза, – произнес Томас, пытаясь соображать на ходу. – Я знаю: ты не дура, – но без ума от ПОРОКа. Поступай как знаешь, а я на их уловки больше не куплюсь.

– Я тоже, – вставил Минхо. – Чуваки, они манипулируют нами, играют нашим мозгом. Разве можно верить им и надеяться, что нам вернут память? Нашу, а не поддельную?

Тереза тяжело вздохнула.

– Парни, вы сами себе противоречите! Если ПОРОК манипулирует нами, играет, как ему заблагорассудится, то какого черта они тогда устроили этот спектакль? Зачем дают выбор? Тем более что они собираются вынуть имплантат контроля. По мне, так все в ажуре.

– Все ясно. Правильно я тебе не доверял, – ответил Минхо и медленно покачал головой. – И ПОРОКу никогда не верил. Я с Томасом.

– Как насчет Эриса? – Все это время Ньют молчал и слушал их спор. Томас не заметил, как он и Фрайпан тихонько подошли и встали сзади. – Вы вроде говорили, что он был с вами заодно, еще до Лабиринта? Что он думает об этом?

Томас взглядом поискал Эриса – тот переговаривался с товарками из Группы «В». С тех пор как Томас вернулся, Эрис от девочек не отходит. Правильно, они же вместе прошли собственный Лабиринт. Однако Томас все равно его не простит – за пещеру в горах, за то, как Эрис силой затащил его в газовую камеру.

– Пойду спрошу, – вызвалась Тереза.

Она отошла к девочкам и Эрису и о чем-то с ними яростно зашепталась.

– Терпеть не могу эту девку, – сказал наконец Минхо.

– Да брось, не так уж она и плоха, – ответил Фрайпан.

Минхо закатил глаза.

– Если она согласится на возврат памяти, я точно пас.

– И я, – присоединился к нему Ньют. – Я болен и скоро надую кеды. Мне есть что терять, но все равно за ПОРОКОМ больше не пойду.

Томас тем временем произнес:

– Давайте сначала выслушаем, что сама Тереза скажет. Вон идет уже.

С Эрисом Тереза говорила недолго.

– Он настроен даже решительнее нас. Вся Группа «В» за возврат памяти.

– Значит, и для меня выбор ясен, – ответил Минхо. – Если Тереза и Эрис – за, то я – против.

Томас и сам не сказал бы лучше. Все инстинкты твердили: Минхо прав. Томас не стал высказываться вслух – следил за реакцией Терезы. Девушка вдруг обернулась к нему и посмотрела таким знакомым взглядом – полным надежды, что Томас ее поддержит. Однако Томас изменился, теперь его обуревали сомнения. Подозрительно, зачем Тереза так хочет переманить его на свою сторону?

Он посмотрел на нее, стараясь не выдать своих мыслей. Разочарованная, Тереза покачала головой.

– Как хотите, – сказала она, развернулась и пошла прочь.

Гнев гневом, а сердце в груди у Томаса сжалось.

– Эх, чувак, чувак... – Голос Фрайпана выдернул Томаса из задумчивости. – Мы же не дадим надеть на себя эти железяки, верно? Вернуться бы сейчас на свою кухню в Хомстеде.

– По гриверам соскучился? – напомнил Ньют.

Чуть подумав, Фрайпан выдал:

– Они хотя бы на кухне мне не мешали.

– Ладно, ладно, пристроим тебя куда-нибудь поваром. – Схватив Томаса и Минхо за руки, Ньют отвел их в сторону от основной группы. – С меня довольно лапши, которую вешали нам на уши. На койку не лягу.

Минхо сжал его плечо.

– Я тоже.

– Поддерживаю, – сказал Томас и поделился накипевшим за последние недели: – Побудем здесь, притворимся послушными, а когда представится удобный случай – дадим бой и вырвемся на волю.

Глава седьмая

Не успели друзья ответить, как вернулся Крысун, однако по выражению на лицах Минхо и Ньюта Томас понял: он не один.

Вслед за Крысуном в палату вошли еще несколько человек: в просторных комбинезонах зеленого цвета, с надписью «ЭТО ПОРОК» на груди. Все же как тщательно продумана игра, каждая деталь испытаний. Так, может, и название – грозное имя, за которым якобы стоит организация с благими намерениями, – очередная шарада, с самого начала призванная стимулировать мозговые реакции, чувства, эмоции?

Переменные – сплошные загадки и никогда ими быть не перестанут.

Каждый врач – если и правда врач, – занял место у отдельной койки и принялся настраивать свисающую с потолка маску, регулируя положение трубок и невидимых Томасу рычажков.

– За каждым из вас закреплена отдельная койка, – сказал Крысун, глядя на планшет со списками. – В первой палате остаются... – Он перечислил несколько имен, среди них – Соню, Эриса, но никого из глэйдеров. – Если вас не назвали, прошу следовать за мной.

События приняли странный оборот, непринужденный, обыденный – для такого-то серьезного дела. Казалось, не судьба мира решается, а гангстеры проводят перекличку, перед тем как утопить стукачей.

Томасу ничего не оставалось, кроме как следовать за Крысуном и ждать подходящего момента.

Крысун вывел оставшуюся группу из палаты и по длинному коридору без окон проводил до второй двери. Зачитал список – на сей раз в шестерку попали Фрайпан и Ньют.

– Я отказываюсь, – произнес Ньют. – Ты говорил, что можно выбирать, – так подавись моим решением.

Он злобно посмотрел на Томаса, как бы говоря взглядом: пора что-то делать, иначе и свихнуться недолго.

– Отлично, – ответил Крысун. – Довольно скоро ты передумаешь. Пока распределение не окончено, держись рядом.

– Что скажешь, Фрайпан? – спросил Томас, стараясь не выдать удивления – уж больно легко Крысун принял ответ Ньюта.

Бывший повар внезапно сдуслся. Затравленно оглядев друзей, он произнес:

– Я... пожалуй, соглашусь.

Томас ушам своим не поверил.

– Фрайпан, ты спятил?! – воскликнул Минхо.

Фрайпан покачал головой и, оправдываясь, пояснил:

– Я хочу вспомнить прошлое. Вы как знаете, а я свой выбор сделал.

– Идем дальше, – позвал Крысун.

Фрайпан поспешил скрыться в палате – видимо, не хотел больше споров. Томас принял его выбор. Сейчас надо позаботиться о себе и отыскать выход, а после и других спасти можно будет.

Имен Минхо, Терезы и Томаса Крысун не называл до самой последней палаты. Вместе с ними остались Гарриет и еще несколько девчонок из Группы «В». До сих пор от операции отказался один только Ньют.

– Нет уж, увольте, – сказал Минхо, когда Крысун жестом пригласил в палату. – Спасибо за предложение, всем остальным – хорошо повеселиться.

Он издевательски помахал ручкой.

– Я тоже не согласен, – присоединился к нему Томас. Чутье подсказывало: вот-вот представится возможность действовать.

Крысун, сделав непроницаемое лицо, долго смотрел на Томаса.

– Поплохело, мистер Крыс? – позвал Минхо.

– Я заместитель директора Дженсон, – низким натянутым голосом ответил Крысун, словно ему стоило огромных усилий не сорваться на крик. Взгляд его по-прежнему был прикован к Томасу. – Учитесь уважать старших.

– Сначала перестаньте обращаться с людьми как с животными, тогда и подумаем, – парировал Минхо. – И чего это ты вылутился на Томаса?

Наконец Крысун – Дженсон – обернулся к Минхо.

– Есть над чем поразмыслить. – Он выпрямился. – Но будет. Мы обещали выбор – получайте. Сейчас все заходят в палату, и мы проведем через процедуру тех, кто все же на нее отважился.

И вновь Томас ощутил дрожь во всем теле. Момент близок. Минхо – судя по его лицу – тоже готовится действовать. Друзья мельком кивнули друг другу и проследовали за Крысуном в палату.

Выглядело последнее помещение в точности как и первое: шесть коек, маски над ними; гудит и пощелкивает механизм, приводящий Извлекатель в действие. У каждой койки – по человеку в зеленом комбинезоне.

Томас огляделся и судорожно вздохнул: у дальней койки, одетая в зеленый комбинезон, стояла Бренда. (Самая молодая из присутствующих; каштановые волосы чистые, пышные, личико не чумазое.)

Коротко кивнув Томасу, Бренда посмотрела на Крысуна. Томас понять ничего не успел, как девушка метнулась через всю палату к нему. Обняла крепко-крепко. Томас невольно отстранился, однако Бренду из объятий не выпустил.

– Бренда, что ты делаешь?! – заорал Дженсон. – Вернись на место!

Бренда прижалась губами к уху Томаса и едва слышно прошептала:

– Не доверяй им. Верь только мне и Советнику Пейдж, Томас. Только нам, больше никому.

– Бренда! – не унимался Крысун.

Девушка наконец отпустила Томаса и отошла от него.

– Простите, – пробормотала она. – Я так обрадовалась, что он прошел Третью фазу. Вот и забылась...

Вернувшись на место, Бренда – уже невыразительно – посмотрела на остальных ребят.

– У нас нет времени на телячьи нежности! – прорычал Дженсон.

Томас не мог оторвать от нее взгляд. Он не знал, что думать, что чувствовать. ПОРОКУ Томас не верит, значит, он и Бренда – на одной стороне. Тогда почему она здесь? Почему работает на ПОРОК? Разве она не больна? И кто это – Советник Пейдж?

Что, новый тест? Новая Переменная?

Когда Бренда обнимала Томаса, по его телу прошла мощная волна непонятного чувства. Томас вспомнил, как Бренда говорила с ним, мысленно предупреждая о грозящей беде. Откуда у нее дар телепатии? Правда ли Бренда и Томас заодно?

Тут подошла молчавшая до сих пор Тереза и нарушила ход его мыслей.

– Что Бренда здесь делает? – недобро прошептала она. Впрочем, что бы она ни говорила, ни делала, Томасу все покажется недобрым. – Она вроде шиз?

– Сам не знаю, – пробормотал Томас. В голове закружились воспоминания о времени, проведенном с Брендой в сердце разрушенного города. Он вдруг соскучился по зачумленной дыре. По минутам наедине с Брендой. – Может, она... просто часть очередной Переменной?

– Думаешь, ее специально послали в Жаровню? Помочь нам пройти испытание?

– Не исключено. – Томасу стало больно. Бренда и впрямь может быть частью ПОРОКа, но тогда выходит, что она врала ему всю дорогу. Вот и с ее стороны ложь, а так не хочется видеть предателя в Бренде.

– Она мне не нравится, – призналась Тереза. – Какая-то она... скользкая.

Томас едва сдержался, чтобы не заорать на Терезу, не рассмеяться ей в лицо. Вместо этого он спокойно ответил:

– Иди уже, пусть поиграют с твоим мозгом. – Тереза Бренде не доверяет. Это ли не явный признак, что Бренда заодно с Томасом?

Резко взглянув на Томаса, Тереза сказала:

– Думай обо мне что хочешь. Я просто действую, как велит сердце. – С этим она отошла в сторону дожидаться указаний от Крысуна.

Томас, Ньют и Минхо смотрели, как Дженсон распределяет остальных по койкам.

Обернувшись к двери, Томас подумал: не воспользоваться ли моментом? Он как раз хотел толкнуть Минхо локтем, как вдруг Крысун – словно прочтя его мысли – произнес:

– Вы, трое бунтарей, даже не думайте дергаться. Мы все еще под наблюдением, и пока болтаем, сюда спешит вооруженная охрана.

Уж не читают ли мысли Томаса? Может, ПОРОК умеет расшифровывать паттерны мозговых волн, за которыми так жадно охотится?

– Он нас кланком кормит, – прошептал Минхо, стоило Дженсону отвернуться. – Помоему, надо использовать шанс, а дальше будь что будет.

Томас не ответил, внимательно наблюдая за Брендой, – та стояла молча, глядя в пол, как будто задумалась. Томас к ней привязался и очень сильно. Его влекло к Бренде. Хотелось поговорить с ней один на один. И не только о страшных предупреждениях.

В коридоре послышались торопливые шаги, и в следующий миг в палату ворвались трое мужчин и две женщины, все в черном, на спинах – какое-то снаряжение: веревки, инструменты и боеприпасы. Каждый сжимал в руках увесистое оружие. Томас вроде и видел-то такое впервые, но оно вызвало смутные, едва уловимые воспоминания. Оружие светилось голубоватым огнем: прозрачную трубку в середине корпуса наполняли потрескивающие током металлические шары. И целились охранники в Томаса и двоих его друзей.

– Вот так вот резину тянуть, – низким, хриплым шепотом произнес Ньют.

Нет, шанс еще представится.

– Нас бы все равно в коридоре перехватили, – едва шевеля губами, ответил Томас. – Терпение, терпение.

Подойдя к наемникам, Дженсон указал на необычное оружие.

– Эти устройства мы называем просто и незатейливо: пушки. Охрана не задумываясь откроет по вам огонь – только дайте повод. Выстрел не смертелен, зато, поверьте, если в вас попадут, вы переживете самые болезненные пять минут в своей жизни.

– В чем дело-то? – спросил Томас, поражаясь собственной наглости. – Ты же сам позволил выбирать. Так зачем сюда армию пригнали?

– Так спокойнее. – Дженсон помолчал, видимо, тщательно подбирая слова. – Мы надеялись, что, вернув себе память, вы станете сотрудничать с нами добровольно. Так проще, да. Однако я не говорил, что вы нам больше не пригодитесь.

– Надо же, – проворчал Минхо. – Ты опять соврал!

– Я не произнес ни слова лжи. Вы сделали выбор, теперь извольте принять последствия. – Дженсон указал на дверь. – Охрана, проводите Томаса и остальных в камеру. Пусть поразмыслят до испытаний, которые начнутся завтра утром. Если понадобится, примените силу.

Глава восьмая

Наемницы подняли оружие, нацелив широкие жерла стволов на троих парней.

– Не заставляйте нас стрелять, – предупредила одна. – Право на ошибку у вас нулевое. Малейшее неверное движение – и спускаем курок.

Мужчины, забросив пушки за плечо, взялись за непослушных глэйдеров. Томас и сейчас ощущал странное спокойствие: отчасти из-за намерения сражаться до последнего и отчасти – из удовольствия. За тремя подростками прислали аж пятерых солдат!

Охранник, что схватил и вытащил Томаса в коридор, был вдвое больше своего пленника. Минхо буквально волокли по полу, а Ньют пытался вырваться (впрочем, безуспешно).

Миновали несколько коридоров. Слышно было только, как пытит и кроет охрану последними словами Минхо. Томас хотел успокоить его, говорил, что Минхо вредит всем троим, но тот не слушал: продолжал брыкаться, пока группа не остановилась у двери.

Одна из наемниц пластиковой карточкой открыла замок и толкнула дверь – за ней оказалась небольшая комната с кухонькой в дальнем углу и двумя комплектами двухъярусных кроватей. Томас определенно не этого ожидал – думал, их бросят в некое подобие Кутузки с грязными полами и колченогим табуретом.

– Входите, – велела женщина. – Скоро принесут поесть. Скажите спасибо, что за такое поведение вас не морят голодом. Завтра предстоят тесты, поэтому советую отоспаться.

Трое мужчин втолкнули глэйдеров внутрь и закрыли дверь. Щелкнул замок. Значит, ребят заперли.

Сию же секунду Томаса переполнило чувство безысходности, пережитое в белой комнате. Он снова в плену. Томас подергал за ручку, навалился на дверь всем весом, а после заколотил в нее кулаками – крича и требуя выпустить.

– Спокуха, – произнес за спиной Ньют. – Никто не придет подоткнуть тебе одеялку.

Томас вихрем развернулся, но при виде друга успокоился. Хотел уже что-то сказать, однако Минхо опередил его:

– Шанс, надо думать, мы упустили. – Он плюхнулся на нижний ярус одной из кроватей. – Мы от старости помрем, пока случится чудо и возможность бежать возникнет сама по себе, Томас. Никто из местных не придет и не объявит в матюгальник: «Мы сейчас отвернемся минут на десять, а вы пока уходите, мальчишки!» Надо было сразу рвать когти.

Друзья правы, как ни противно это признавать. Надо было сразу пробиваться, пока не вызвали наемников.

– Простите, – извинился Томас. – Мне показалось, что момент неудачный. А уж когда нам в морды ткнули оружием, то и вовсе стало бессмысленно трепыхаться.

– Да уж, что и говорить, – произнес Минхо и добавил: – Зато вы с Брендой свиделись.

Томас глубоко вдохнул.

– Она мне кое-что передала.

Минхо резко сел на кровати.

– Что значит – она тебе передала кое-что?

– Просила не доверять здесь никому. Только ей самой и какому-то Советнику Пейдж.

– Правильно, что еще ей делать? – сказал Ньют. – Она же пашет на ПОРОК. Актриска, так ее перетак. Устроила спектакль в Жаровне.

– Во-во, – поддакнул Минхо. – Чем она лучше хозяев?

Соглашаться Томас отказывался. Почему – он и себе объяснить не мог, не то что друзьям.

– Слушайте, я ведь тоже работал на ПОРОК, но вы мне доверяете, да? Вот и Бренда на них работает – может, не по доброй воле? Может, она изменилась? Не угадаешь.

Минхо задумчиво прищурился. Ньют просто сидел на полу – скрестив на груди руки и надувшись, как малое дитя.

Томас покачал головой. Смертельно устав от загадок, он открыл холодильник – желудок вовсю рычал от голода. Найденные сырные палочки и виноград они разделили поровну на троих. Томас свою долю буквально проглотил, запив бутылкой сока. Друзья тоже махом съели свои порции и не сказали ни слова.

Вскоре наемница принесла обед: ветчину с картошкой, – который парни тут же умяли. Судя по часам, был ранний вечер, однако спать совсем не хотелось. Томас присел на стул лицом к друзьям. Что делать? Как быть? Он все еще злился на себя: есть воля действовать, зато нет плана.

Первым после обеда заговорил Минхо.

– Может, сдадимся этим кланкорожим? Выполним требования? Потом как-нибудь в один прекрасный день, сытые и толстые, сядем вместе и посмеемся?

Прикалывается, чертяка.

– Ага, и ты найдешь себе клевую телку, остепенишься, заведешь детей. И вместе вы станете смотреть, как мир утонет в море шизов.

Минхо подхватил:

– Потом ПОРОК найдет-таки лекарство, создаст матрицу, и все мы будем жить долго и счастливо.

– Ни фиги не смешно, – пробурчал Ньют. – Даже если матрицу найдут... Вы сами видели, что творится в Жаровне. Заколебемся ждать, пока мир станет прежним.

Томас, ни о чем не думая, тупо пялился в пол.

– После всего, что с нами сделали, я ПОРОКу не верю. – Он все еще не мог оправиться от известия, что Ньют болен Вспышкой. Ньют – человек, который на все пойдет ради друзей. А ему вынесли смертный приговор, обрекли на медленную и мучительную гибель от неизлечимой болезни. – Этот Дженсон считает, что у него все схвачено, что все жертвы – во имя общего блага. Неужели так необходимо выбирать меньшее зло для спасения планеты? Даже те, у кого есть иммунитет, долго не продержатся. Девяносто девять целых и девять десятых процента населения постепенно превращаются в безумных чудовищ.

– Это ты к чему? – спросил Минхо.

– Это я к тому, что до того, как мне стерли память, я еще верил в бредни ПОРОКа. С меня хватит.

Сейчас Томас боялся лишь одного: если он вернет память, то откажется от своих слов.

– Значит, постараемся не прощелкать еще один шанс, Томми, – сказал Ньют.

– Завтра, – добавил Минхо. – Завтра мы как-нибудь да выкрутимся.

Пристально посмотрев на каждого из друзей, Томас согласился:

– Да, завтра. Как-нибудь да выкрутимся.

Ньют зевнул, и тут же – как это водится – зевнули остальные.

– Заканчиваем терки и спим.

Глава девятая

Целый час Томас таращился в темноту и только потом сумел заснуть. И тогда же пришли сновидения – много обрывочных картинок из прошлого.

Перед ним за столом сидит женщина. Улыбаясь, она смотрит Томасу прямо в глаза. Осторожно отпивает из горячей кружки, вновь улыбается.

– Давай ешь свои хлопья, – говорит она. Это мама; доброта и любовь видны в каждой черточке ее лица, когда она улыбается. Она ждет, пока Томас доест завтрак, и только потом, потрепав сына по голове, уносит пиалку в мойку.

Томас сидит на ковре посреди комнаты, строит замок из серебристых кирпичиков, которые тут же срываются. Мама – в кресле в углу, плачет. Почему – Томас понимает мгновенно: папа болен, уже проявились симптомы. Значит, и мама тоже скоро заболеет. Вирус найдут и у маленького Томаса; врачи узнают, что у него иммунитет – уже есть тест, выявляющий редких счастливиц.

Стоит жара, Томас катит на велосипеде. От мостовой поднимается марево, по обеим сторонам – где прежде был газон, – торчат лишь стойкие сорняки. Томасу душно, он потеет и в то же время счастлив. Мама ждет неподалеку и наслаждается каждым мгновением. Потом они вместе отправляются на пруд – вода в нем стоячая, дурно пахнет. Мама находит для Томаса камешки, и он бросает их: сначала просто вдаль, затем «лягушкой», как учил отец прошлым летом. Не получается... Усталые, они наконец возвращаются домой.

События во сне – воспоминания – становятся все мрачнее.

Томас опять дома. В гостиной на диване сидит угрюмый мужчина в темном костюме. Он сжимает в руках какие-то документы. Томас держит за руку маму. Создан ПОРОК, новое мировое правительство, состоящее из переживших катастрофу чиновников, уцелевших во время небывалых солнечных вспышек, когда Томас еще даже не родился. Цель ПОРОКа – изулить зону поражения, место, в которое Вспышка наносит удар.

Мозг.

Гость в черном сообщает: у Томаса иммунитет, как и у некоторых других счастливиц. Таких на планете меньше одного процента, и почти всем нет еще двадцати. Мир для них очень опасен, их ненавидят, называют из зависти иммунными. Инфицированные к ним беспощадны, а ПОРОК защитит Томаса, Томас поможет им разработать лекарство. Он умен, один из умнейших среди протестированных. Маме ничего не остается, только отпустить сына. Мама не позволит ему смотреть, как она медленно теряет рассудок.

Позже мама говорит Томасу, что любит его. Она счастлива, что сын избежит того, что произошло с его отцом: у них на глазах он утратил последние капли рассудка, перестал быть человеком.

Досмотрев этот сон, Томас провалился в темную бездну.

Утром его разбудил громкий стук. Томас едва успел приподняться на локтях, как в комнату ступили все те же пятеро наемников с пушками на изготовку. Последним вошел Дженсон.

– Проснись и пой, – сказал Крысун. – Мы посоветовались, и я решил вернуть вам память. Нравится вам это или нет.

Глава десятая

Спросонья Томас соображал туго. Дрема, воспоминания о детстве по-прежнему застили разум. Юноша даже не понял, что сказал Дженсон.

– Хрен тебе, – ответил Ньют. Он уже вскочил с кровати и яростно смотрел на Дженсона, сжав кулаки.

Томас прежде не замечал за другом такой ярости. До него вдруг дошел смысл сказанного Крысуном – и сна как не бывало.

Сев на кровати, Томас произнес:

– Ты же говорил, что это необязательно.

– Боюсь, выбора не осталось, – ответил Дженсон. – Время лжи прошло. Если вы и дальше будете тыркаться в потемках, ничего не выйдет. Извините, вернуть вам память придется. А ты, Ньют, выиграешь больше остальных. Ты, как никто другой, должен быть заинтересован в успехе эксперимента.

– Мне плевать на себя! – глухо прорычал Ньют.

Заработали инстинкты, чутье, и Томас понял – вот он, шанс. Соломинка, за которую надо хвататься без лишних раздумий.

Томас пристально следил за Дженсоном. Выражение лица у того смягчилось; Крысун глубоко вдохнул, словно предчувствуя опасность и желая пресечь ее в зародыше.

– Ньют, Минхо, Томас, послушайте. Я представляю, через что вы прошли, каких ужасов навидались, но самое худшее позади. Минувшего не изменить, не исправить, друзей не вернуть. Однако все будет напрасно, если мы не завершим матрицу.

– Минувшего не изменить? – переспросил Ньют. – Это все, что ты можешь сказать?

– Аккуратней, – предупредил один из наемников, целясь Ньюту прямо в грудь.

В комнате повисла тишина. Томас прежде не видел Ньюта таким озлобленным. Друг всегда был спокойным и рассудительным.

Дженсон продолжил:

– Времени мало. Идемте уже, или вам предстоит повторение вчерашнего опыта. Охранников только попроси.

Минхо спрыгнул с койки над Ньютом и беззаботно сказал:

– Чувак прав: если можно спасти тебя, Ньют, и бог еще знает сколько жизней – дураком надо быть, чтобы терять время попусту.

Метнув взгляд в сторону Томаса и кивнув на дверь, он позвал:

– Айда. – И вышел в коридор, миновав Дженсона и охранников.

Крысун посмотрел на Томаса и выжидающе вскинул брови.

Томас изо всех сил постарался скрыть удивление. Минхо либо сбрендил, либо у него есть план: сдавшись на волю хозяев, непокорные глэйдеры могут выиграть время. Томас отвернулся от охранников и Дженсона и незаметно подмигнул Ньюту.

– Ладно, сдаемся. Пусть делают с нами что хотят. – Говорить буднично и искренне оказалось на удивление трудно. – Я же на них раньше работал, перед тем как загреметь в Лабиринт. Вдруг я ошибаюсь и нам желают добра?

– А-а, чтоб вас... – Ньют закатил глаза и потопал в сторону двери. Томас про себя улыбнулся, празднуя микроскопическую победу.

– Когда все закончится, вы станете героями, – пообещал Дженсон.

– Заткнись, а? – ответил Томас.

Вновь Томас с друзьями отправился по лабиринту коридоров вслед за Крысуном, который – словно заправский гид – пояснял на ходу: окон в здании нет по той причине, что снаружи климат не слишком благоприятный да и банды инфицированных совершают набеги. Еще он

рассказал о мощной буре в ту ночь, когда глэйдеров забрали из Лабиринта, и о том, как кучка шизов, прорвав внешний периметр, гналась за автобусом.

Томас, конечно, и без рассказов помнил ту роковую ночь. До сих пор не мог забыть, как под колеса угодила женщина – с ней он пересекся у самых подножек автобуса. Водитель даже не замедлил хода. Неужели это случилось всего несколько недель назад? А кажется, будто прошли годы.

– Слушай, и без тебя тошно, – оборвал Крысуна Ньют.

Крысун замолчал, однако улыбочка с его губ не сошла.

Уже в палате Дженсон встал и обратился к глэйдерам:

– Надеюсь на ваше добровольное сотрудничество, меньшего не жду.

– Где остальные? – спросил Томас.

– Все субъекты проходили реабилитацию...

Не успел он договорить, как Ньют схватил его за лацканы пиджака и швырнул на ближайшую дверь.

– Еще раз назовешь их субъектами, и я те башку отверну, понял?!

Наемники ждать себя не заставили – оттащили Ньюта от Дженсона и бросили на пол, прицелившись в него из пушек.

– Стоять! – заорал Дженсон. – Стоять... – Оправив пиджак и сорочку, он велел охранникам: – Он пока нужен в рабочем состоянии, не стреляйте.

Медленно встав на ноги, Ньют поднял руки над головой.

– Не называй нас субъектами. Мы тебе не мышки в лабиринте. И вели своим шестеркам убрать оружие. Я бы все равно тебя не побил. До смерти.

Тут он вопросительно посмотрел на Томаса.

«ПОРОК – это хорошо».

Постулат сам собой всплыл в памяти, словно прежняя сущность Томаса – та, что верила в непогрешимость и оправданность ужасных методов, – пыталась убедить его в справедливости этого утверждения, в необходимости любой ценой отыскать лекарство от Вспышки.

Теперь же нечто изменилось, перестало быть прежним. Как вообще можно верить ПОРОКу, их методам? Доверчивому и легковверному Томасу предстоит уйти, однако надо напоследок себя проявить.

– Ньют, Минхо, – тихо проговорил Томас, предупреждая следующие слова Крысуна. – Похоже, он прав. Пришло время подчиниться. Как мы вчера и договаривались.

Минхо нервно улыбнулся. Ньют сжал кулаки.

Сейчас или никогда.

Глава одиннадцатая

Не колеблясь ни мгновения, Томас ударил: локтем по носу стоявшему сзади наемнику, ногой – по колену стоявшему спереди. Оба упали, но быстро оправились. Краем глаза Томас заметил, как Ньют валит на пол третьего охранника, а Минхо бьет четвертого. Оставалась еще пятая – женщина. И сейчас она невозмутимо поднимала пушку.

Томас бросился к ней, поднырнув под ствол и подбив его снизу. Однако женщина не растерялась и с разворота ударила прикладом Томаса по щеке. Челюсть взорвалась болью, Томас рухнул на твердые плитки пола. Попытался встать, и его тут же – выбив дух – придавили коленом. В затылок уперлось дуло.

– Я жду! – прокричала наемница. – Заместитель Дженсон, я жду приказа. Только скажите, и я поджарю ему мозги!

Друзей Томас не видел, не слышал и звуков борьбы. Значит, короткий мятеж подавлен. И минуты не продержались. Сердце стиснуло болью и отчаянием.

– О чем вы думали?! – проорал над Томасом Дженсон. Ох и перекосило, наверное, его крысину морду. – Вы, трое мальчишек, думали перебороть пятерых вооруженных солдат? Вам, ребята, полагается проявлять гениальность, а не тупое... и безумное бунтарство. Похоже, Вспышка все же разъела ваши мозги.

– Заткнись! – крикнул Ньют. – Завали хле...

Остальное прозвучало сдавленно, неразборчиво, и Томас задрожал от ярости. Его друга скрутили и мучают... Наемница еще плотнее прижала ствол к затылку Томаса.

– Даже... думать об этом... не смей, – прошептала она Томасу на ухо.

– Поднять их! – пролаял Дженсон. – На ноги всех!

Не убирая пушки, женщина подняла Томаса за шкуру. Минхо и Ньюта тоже держали под прицелом. Не опускали стволов и двое свободных охранников.

Дженсон покраснел как помидор.

– Идиоты! Подобного впредь не случится, это я вам гарантирую. – Он развернулся к Томасу.

– Я был совсем ребенок, – неожиданно для себя произнес тот.

– Что-что? – не понял Крысун.

Томас пристально взглянул на него и пояснил:

– Я был совсем ребенок, мне промыли мозги. Заставили помогать.

Вот оно! Подспудное чувство, что не давало покоя с тех самых пор, как начали возвращаться воспоминания. С тех пор, как Томас принялся сводить воедино кусочки головоломки.

– Я не стоял у истоков нашей организации, – спокойно проговорил Дженсон, – но когда Создатели подверглись Чистке, именно ты пригласил меня на работу. Да будет тебе известно: прежде я не встречал никого – будь то ребенок или же взрослый – столь одержимого целью.

Он улыбнулся. Порвать бы ему физиономию.

– Плевать, что ты там...

– Хватит! – рявкнул Дженсон. – Пойдешь первым.

Он ткнул пальцем в сторону одного из охранников и приказал:

– Приведите сестру. Бренда уже пришла, напросилась в ассистенты. Может, в ее присутствии ты наконец угомонишься? Остальных – в зал ожидания, разберемся с каждым по отдельности, по одному за раз. Мне надо отлучиться по важному делу, встретимся на месте.

Весь в расстройстве, Томас даже не услышал имени Бренды. Двое охранников тем временем подхватили его под руки и повели.

– Я не сдамся! – бился в истерике Томас. Снова стать прежним? Ни за что! – Не дам надеть себе на голову эту хрень!

Дженсон, не слушая его, обратился к наемникам:

– Проследите, чтобы его усыпили.

Крысун вышел, а солдаты потащили Томаса к Извлекателю. Какое-то время он еще сопротивлялся, но потом решил поберечь силы, осознав, что бой проигран, и тут наконец заметил Бренду. Последняя надежда – на нее. Тем более что пальцы охранников сжимают руки подобно стальным тискам.

Бренда с каменным лицом стояла у койки. В глазах ее Томас не сумел прочесть ничего. Зачем, зачем она помогает ПОРОКу?

– Как ты здесь оказалась? Почему работаешь на них? – слабым голосом спросил Томас.

Охранники развернули его.

– Лучше помалкивай, – ответила Бренда. – Доверься мне, как доверился тогда, в пустыне. Для твоего же блага.

Саму девушку Томас не видел, но слышал, и голос – несмотря на слова – прозвучал довольно тепло.

Так, может, Бренда все еще на его стороне?

Охранники подтащили Томаса к последней в ряду койке. Мужчина прижал его к краю матраса, а женщина, прицелившись из пушки, приказала:

– Ложись!

– Не лягу! – прорычал в ответ Томас.

Женщина с размаху ударила его по лицу.

– А ну лег! Живо!

– Нет.

Охранник-мужчина силой уложил Томаса на койку и сказал:

– Дерись, не дерись, все равно мы свое дело сделаем.

Металлическая маска – вся в проводах и трубках – нависла над Томасом словно гигантский паук, готовый наброситься на него и задушить.

– Я не дам надеть на себя эту хрень, – проговорил Томас. Сердце заколотилось с угрожающей скоростью, и страх, который прежде еще как-то получалось сдерживать, вырвался на свободу, смыв остатки хладнокровия, способности соображать.

Охранник прижал руки Томаса к койке, навалился всем весом – чтобы уж наверняка.

– Давайте снотворное, – велел он.

Томас заставил себя успокоиться, приберечь силы для последнего рывка. Как же больно видеть Бренду здесь – все же Томас успел к ней прикипеть. Если сейчас девушка усыпит его, значит, и она враг. Предатель. Невыносимо думать об этом...

– Бренда, не надо, – произнес Томас. – Не отдавай меня им, умоляю.

Бренда нежно погладила его по плечу.

– Все будет хорошо. Есть те, кто хочет помочь тебе и не желает зла. Ты мне еще спасибо скажешь. А теперь хватит ныть и расслабься.

Томас так и не смог прочесть ничего по ее лицу.

– Вот так, да? После всего, что мы пережили в Жаровне? Мы столько раз были на волосок от гибели, такое прошли вместе, и ты меня предаешь?

– Томас, – не скрывая раздражения, произнесла Бренда, – я просто выполняю свою работу.

– Я слышал твой голос у себя в голове. Ты предупреждала меня, предупреждала о грядущей опасности. Умоляю, скажи, что ты не за них.

– Когда мы добрались до штаба ПОРОКа, я нашла пульт контроля телепатической связи, хотела предупредить. Подготовить тебя. В пустынном аду я и не думала заводить с тобой дружбу, просто так получилось.

Выслушав признание, Томас ощутил легкость. Теперь будет проще. Уже не в силах молчать, он спросил:

– Так ты больна или нет?

– Я притворялась, – резко сказала Бренда. – И Хорхе тоже. У нас иммунитет, и мы давно это знаем. Именно поэтому нас решено было послать в Жаровню. Все, молчи.

Она стрельнула глазами в сторону наемников.

– Коли снотворное! – неожиданно гаркнул охранник.

Бренда ответила ему упрямым взглядом. Потом посмотрела на Томаса и – не может быть! – слегка подмигнула.

– Сейчас я вколю тебе снотворное, и через пару секунд ты уснешь. Понял? – Она сделала ударение на последнем слове и вновь подмигнула. К счастью, охранники во все глаза смотрели на Томаса и потому жестов Бренды просто не замечали.

Сбитый с толку Томас тем не менее почувствовал, как возвращается надежда. Бренда явно что-то задумала.

Она отошла к стойке и занялась приготовлениями. Наемник так и прижимал Томаса к койке; руки начали затекать и неметь. От натуги наемник аж вспотел, но было ясно: пока Томас не вырубится, с него не слезут. Наемница стояла рядом, целясь Томасу в голову.

Бренда обернулась. В левой руке она сжимала пистолетинжектор: игла смотрит вверх, в маленьком окошке на корпусе видна ампула с желтоватой жидкостью.

– Итак, Томас, колоть буду очень быстро. Готов?

Неуверенный – и тем не менее полный решимости – Томас кивнул.

– Хорошо, – ответила Бренда. – Молодец.

Глава двенадцатая

Улыбнувшись, она пошла к Томасу, но у самой койки «вдруг» споткнулась и упала вперед, так что игла инжектора вонзилась в руку охраннику. Пшикнул поршень, и наемник запоздало отдернул руку.

– Какого черта? – только и успел выговорить он. Через секунду, закатив глаза, наемник рухнул на пол.

Томас среагировал моментально: упершись руками в матрас, ногами ударил наемницу. (Та еще не успела отойти от шока.) Одной ногой угодил в пушку, второй – в плечо женщине; вскрикнув, она упала и ударилась головой об пол.

Томас поспешил поднять оружие. Наемница сидела, обхватив голову руками. Бренда подобрала оружие ее напарника.

Томас часто судорожно хватал ртом воздух. В крови гудел адреналин. Как же здорово, как хорошо – давно такого кайфа не было.

– Я знал, что ты...

Не успел он договорить, как Бренда выстрелила.

По ушам резануло тонким писком, когда из дула вырвался заряд. Отдачей Бренду чуть не швырнуло на пол, а в грудь наемнице ударил и взорвался серебристый шарик. Окутанная молниями, она безудержно забилась в конвульсиях.

Томас пораженно взирал на то, что сотворил с человеком выстрел из пушки. Хотел доказать, что Бренда отнюдь не работает на ПОРОК? Ну вот, получай.

Томас посмотрел на девушку.

Она взглянула на него в ответ и очень слабо улыбнулась:

– Давно хотела пострелять. Хорошо, что Дженсон согласился сделать меня ассистентом врача на время процедуры. – Забрав у неподвижного охранника ключ-карту, она сунула ее в карман. – Без этого нам не уйти.

Томас едва удержался, чтобы не обнять Бренду.

– Идем, – сказал он. – Поможем Минхо и Ньюту. Потом остальным.

И они понеслись по коридорам. Бренда вела – как и прежде, в туннелях под городом в Жаровне. Томас поторапливал ее – в любую секунду могли появиться еще наемники.

У одной из дверей остановились. Бренда ключом открыла ее – раздалось шипение, и металлическая пластина отошла в сторону. Томас ворвался внутрь комнаты – Бренда сразу за ним.

Сидевший в кресле Крысун моментально вскочил на ноги. Его перекосило от ужаса.

– Бога ради, что вы творите?!

Бренда тем временем пальнула в двоих наемников – те свалились, объятые дымком и зигзагами молний. Третьего наемника обезоружили Минхо и Ньют, и Минхо забрал пушку себе.

Томас прицелился в Дженсона и положил палец на спусковой крючок.

– Гони сюда ключ-карту, потом ляг на пол, руки за голову. – Сердце грохотало в груди, но говорил Томас ровным тоном.

– Вы совсем обезумели, – поразительно спокойно сказал Дженсон, отдавая карту. – Шансов выбраться из комплекса – ноль. Вас перехватят, наемники уже бегут за вами.

Да, шансы минимальные, но иных попросту нет.

– Мы и не через такое прошли. Нашел чем пугать. – А ведь и правда. Томас даже улыбнулся. – Спасибо за уроки выживания. Теперь оброни еще хоть полслова – и лично переживешь... как ты сказал? «Самые болезненные пять минут в своей жизни»?

– Да как ты...

Томас спустил курок. Запищало, и в грудь Дженсону ударил серебристый снаряд. Заверещав, замдиректора повалился на пол. От его волос и костюма пошел дым. Пахло как в пустыне – когда в Минхо угодила молния.

– Фигово ему, наверное, – сказал Томас, обращаясь к друзьям. Как он может говорить так спокойно?! На полу извивается и корчится их мучитель... Томас почти устыдился, что не чувствует вины. Почти.

– Не бойся, жить будет, – сказала Бренда.

– Какая жалость, – ответил Минхо. Связав охранника ремнем, парень выпрямился. – Без него мир стал бы лучше.

Томас оторвался от созерцания быющего в конвульсиях Крысуна.

– Уходим. Немедленно.

– Я бы выпил за это, – заметил Ньют.

– И я о том же подумал, – добавил Минхо.

Все посмотрели на Бренду – та, взяв пушку наперевес, кивнула: мол, к бою готова.

– Я в игре. Этих уродов не меньше вашего ненавижу.

Второй раз за последние несколько дней Томас почувствовал себя счастливым. Бренда снова с ними. Дженсон тем временем перестал дергаться, его больше не било током; закрыв глаза, он лежал без сознания.

– Скоро он очнется, – заметила Бренда, – и явно в дурном настроении. Пора двигать отсюда.

– План есть? – спросил Ньют.

Вот об этом Томас и не подумал.

– По пути составим, – сказал он.

– Хорхе – пилот, – сообщила Бренда. – Если удастся пробиться к ангару и захватить берг...

В эту секунду из коридора донеслись крики и топот множества ног.

– Дождались, – сказал Томас.

На что он надеялся? Никто ведь не даст мятежным глэйдерам просто так, за здорово живешь, покинуть здание. Сколько вооруженных наемников ждет их на пути?

Минхо метнулся к двери и занял позицию возле нее.

– Вход один, и он здесь. Иначе в комнату никому не попасть.

Шаги в коридоре сделались громче. Охрана приближалась.

– Ньют, – начал командовать Томас, – встаешь с другой стороны от двери. Бренда, я подстрелю одного-двух, кто первым войдет в комнату. Вы, парни, снимаете остальных и сразу выходите в коридор. Мы за вами.

И они приготовились.

Глава тринадцатая

Рядом – с выражением злобного азарта на лице – застыла Бренда. Томас сжимал в руках пушку, гадая: можно ли доверять Бренде? Игра против ПОРОКа – это как лотерея, до сих пор из его сотрудников Томаса не обманул только ленивый. Нельзя расслабляться, однако именно благодаря Бренде удалось зайти так далеко. Если действовать с ней в команде, о сомнениях придется забыть.

Вот в дверях появился первый наемник – в неизменной черной форме, – только в руках сжимал не пушку, иное оружие: корпус поменьше и поизящнее. Томас выстрелил, заряд ударил наемника в грудь, и тот, окутанный сеточкой змеящихся молний, отлетел назад в коридор.

Показались еще двое – мужчина и женщина, – вооруженные пушками. Минхо среагировал первым: схватил женщину за грудки и перекинул через себя. Ударившись о стену, наемница выстрелила, однако искрящийся заряд угодил в плитку пола, не причинив никому вреда.

Второго – мужчину – обезвредила Бренда: выстрелила по ногам, и молнии тут же окутали все тело. Закричав, наемник рухнул в коридор, а его оружие упало на пол.

Разоружив женщину, Минхо заставил ее встать на колени и прицелился.

Убегал четвертый. Ньют выбил у него оружие из рук, затем врезал по лицу. Упав на колени и зажав ладонью окровавленный рот, наемник взглянул на юношу. Хотел сказать что-то, но Ньют успел выстрелить ему в грудь. С такого близкого расстояния удар получился неслабый: с громким хлопком серебристый шарик взорвался, и наемник, извиваясь в пучках молний, повалился на бок.

– Здесь жук-стукач, он следит за каждым нашим шагом! – Ньют кивнул на заднюю стенку комнаты. – Надо уходить, охрана все прибывает.

Томас обернулся и увидел на стене ящероподобного робота, глаза которого светились красными огоньками. Проход в коридор оставался спокойным, единственная неоглушенная охранница по-прежнему стояла на коленях, под прицелом у Минхо.

– Сколько вас? – спросил у нее Томас. – Еще кто-то придет?

Женщина не ответила, и тогда Минхо прижал ствол к ее щеке.

– На дежурстве как минимум пятьдесят человек, – быстро проговорила наемница.

– И где же они? – спросил Минхо.

– Не знаю.

– Не смей лгать!

– Нас... отправили по другому делу. В здании что-то происходит. Что – не знаю, честно.

Присмотревшись к женщине, Томас прочел у нее на лице не только страх. Было еще... разочарование? Наемница, похоже, не врет.

– Что за другое дело? – спросил Томас.

Она покачала головой.

– Часть отделения просто отправили в другую секцию комплекса. Вот и все, больше я ничего не знаю.

– В смысле – не знаешь? – как можно недоверчивее переспросил Томас. – Сдается мне, ты чего-то недоговариваешь.

– Клянусь, я не лгу.

Минхо за шкирку поднял ее на ноги и сказал:

– Ну, значит, сударыня пойдет с нами в качестве заложницы. Двигай!

Томас загородил ему путь.

– Поведет Бренда. Ей известно, что где находится в этом здании. Потом я, дальше ты со своей новой подружкой. Замыкает Ньют.

Подошла Бренда.

– В коридоре никого не слышно. Идемте, времени мало.

Выглянув в коридор, она осмотрелась и юркнула за дверь.

Томас вытер вспотевшие ладони о штанины, сжал покрепче пушку и вышел следом. Поворачивая за Брендой направо, оглянулся: остальные бежали за ним; заложница отнюдь не выглядела довольной. Ну еще бы, трудно радоваться, когда тебе угрожает удар током немалой мощности!

За поворотом тянулись все те же светлые стены. Футов через пятьдесят было несколько двойных дверей, и Томасу отчего-то вспомнился последний отрезок пути в Лабиринте: когда глэйдеры сражались с гриверами, прикрывая Томаса, Чака и Терезу на краю Обрыва.

У самых дверей Томас вынул из кармана ключ-карту Крысуна.

В этот момент заложница громко предупредила:

– На вашем месте я бы туда не совалась! По ту сторону ждет стволов двадцать. Выйдете – и вас живьем зажарят.

В ее голосе послышались нотки отчаяния. Неужели ПОРОК настолько убежден в собственной безопасности, что расслабился и оставил в гарнизоне всего двадцать – тридцать (если верить заложнице) наемников – по одному на каждого из уцелевших подростков?

Томасу предстояло отыскать Хорхе и захватить берг, а еще спасти товарищей. Фрайпана и Терезу – лишь потому, что они предпочли вспомнить все, – Томас здесь не оставит.

Притормозив у двери, он обернулся к Минхо и Ньюту.

– Имеем всего четыре ствола, и по ту сторону нас вполне могут ждать. Ну что, рискнем?

Минхо подвел наемницу к консоли электронного замка.

– Сейчас ты откроешь двери, а мы сосредоточимся на твоих дружках. Стой на месте и не рыпайся. Без нашей команды даже не шевелись. Вздумаешь хитрить – пожалеешь. – Он обернулся к Томасу: – Как только двери начнут открываться – пали.

Томас кивнул.

– Я припаду на колени, ты встанешь за мной. Бренда – слева, Ньют – справа.

Они заняли позиции, и Томас навел прицел точно на линию соединения дверей.

– Открывай на счет «три», – велел Минхо. – Повторяю, о наемница: вздумаешь хитрить – пожалеешь. Если побежишь – мы тебя все равно подстрелим. Томас, начинай отсчет.

Женщина молча приготовила ключ-карту.

– Раз, – начал Томас. – Два.

Он сделал глубокий вдох... и не успел сказать «три», как зазвучала сирена. Огни в коридоре погасли.

Глава четырнадцатая

Томас часто-часто заморгал, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть во тьме. Вой сирены бил по ушам. Минхо метнулся куда-то в сторону и тут же выкрикнул:

– Наемница сбежала! Ее тут нет!

Едва он произнес последнюю фразу, как раздалась хлопки – это, заполняя треском статики промежутки между завываниями сирены, летели заряды из пушек. Синеватые сполохи освещали коридор, и Томас успел заметить, как мимо проносится смутная фигура, постепенно растворяясь в темноте.

– Ну я и лох, – едва слышно пробормотал Минхо.

– Возвращайся на место, – велел Томас. Страшно подумать, что последует за сиреной. – Дождись, пока двери начнут открываться, проверь их на ощупь. Я воспользуюсь картой Крысуна. Приготовиться!

Томас отыскал консоль на стене, и, когда провел по ней картой, раздался щелчок. Одна из дверей стала открываться внутрь.

– Огонь! – крикнул Минхо.

Ньют, Бренда и Минхо одновременно открыли пальбу. Томас присоединился к друзьям, и в дверь полетело четыре рваных потока искрящихся шариков. Между взрывами проходило по несколько секунд, однако в озаряющих комнату ослепительных вспышках стало видно: никого в ней нет. Никто не отстреливается.

Опустив пушку, Томас скомандовал:

– Прекратить огонь! Не тратьте заряды!

Минхо выстрелил в последний раз. Ребята подождали, пока затихнут сполохи, чтобы можно было безопасно войти в комнату.

Стараясь перекричать вой сирены, Томас спросил у Бренды:

– У нас беда с памятью. Может, ты знаешь что-нибудь полезное? Где все? Откуда тревога? Девушка покачала головой.

– Прости. Если честно, я сама не понимаю. Что-то не так.

– Спорим, эти падлы опять нас тестируют! – крикнул Ньют. – Все заранее продумано и предсказано. От нас хотят действий, реакций.

Сирена мешала думать, да и Ньют не предложил ничего дельного.

Выставив перед собой пушку, Томас вошел в комнату. Он торопился занять более надежную позицию, пока свет от выпущенных впустую зарядов не угас окончательно. Скромные обрывки воспоминаний подсказывали, что Томас вырос в этом комплексе, – сейчас бы вспомнить его схему, расположение секций. Бренда оказалась незаменимым помощником при побеге. Только бы Хорхе согласился вывезти глэйдеров из штаба ПОРОКа.

Внезапно вой сирены затих.

– И что... – по привычке выкрикнул Томас и тут же, тоном ниже, повторил попытку: – Что дальше?

– У них самих, поди, уши полопались, – предположил Минхо. – То, что сирену вырубili, ничего не значит.

Наконец мерцание разрядов погасло, и комната погрузилась в красноватое свечение аварийных огней. Бренда и глэйдеры заняли нечто вроде просторной приемной: пара стоек, диванчики, кресла. И ни одной живой души.

Внезапно помещение показалось Томасу знакомым.

– Я здесь никогда людей не видел. Всюду пусто, аж жуть.

– Уверена, в эту приемную уже давно никто не заходит, – подсказала Бренда.

– Что дальше, Томми? – спросил Ньют. – Не стоять же здесь целый день?

Томас ненадолго задумался. Надо отыскать друзей, но прежде – убедиться, что есть пути к отступлению.

– Так, – сказал он. – Бренда, без тебя нам не обойтись. Нужно пробиться к ангару и найти Хорхе. Он должен будет подготовить берг к отлету. Ньют, Минхо, вы, наверное, останетесь его прикрывать, а мы с Брендой поищем остальных. Бренда, не знаешь, где тут можно разжиться оружием?

– По пути к ангару есть арсенал, – ответила девушка. – Только он наверняка охраняется.

– Подумаешь, – сказал Минхо. – Будем стрелять, и – кто первый свалится.

– Всех положим! – чуть не рыча, добавил Ньют. – Всех ушлепков до единого.

Бренда указала на один из двух коридоров, ведущих из приемной.

– Нам туда.

И при свете красных аварийных ламп она повела Томаса и его друзей, сворачивая то направо, то налево. По пути им никто не встретился; правда, довольно часто под ногами, клацая механическими конечностями, шмыгали жуки-стукачи. Раз Минхо даже попытался выстрелить в одного, но промазал и при этом едва не угодил в Ньюта. Вскрикнув, тот чуть не пальнул со злости в ответ.

Минут пятнадцать бега – и они достигли арсенала. Странно: двери открыты, никто не охраняет полные оружия стеллажи.

– Ну это уж слишком, – произнес Минхо. – Я больше не поведусь.

Томас понял его безошибочно – слишком много успел повидать.

– Западня, – пробормотал он. – Подстава.

– Сто пудов, – согласился Минхо. – Все куда-то разом запропастились, двери оставили открытыми, и оружие прямо-таки нас дожидается. За нами точно следят через этих стебанутых жуков.

– Висит груша – нельзя скушать, – сказала Бренда, глядя на арсенал.

Услышав ее, Минхо обернулся.

– Откуда нам знать: может, и ты с ними заодно?

– Клянусь, я на вашей стороне. Больше мне сказать нечего, – устало ответила Бренда. – Понятия не имею, что происходит.

Жаль признавать, но, похоже, Ньют прав: очередной побег – всего лишь Переменная, спланированная, подготовленная и управляемая. Глэйдеров опять низвели до роли мышей, правда, уже в другом лабиринте. А так все хорошо начиналось...

Ньют тем временем вошел в арсенал.

– Взгляните-ка на это.

Когда Томас и остальные вошли, Ньют указал на пустую секцию стеллажа.

– Видите свежие следы в пыли? Тут похозяйничали совсем недавно. Примерно с час назад.

Томас огляделся. Пыли в арсенале скопилось столько, что, если начать бегать-прыгать, обчихаешься вусмерть. Однако Ньют указывал на чистые полки. Да у него глаз – алмаз!

– Ну и что с того? – спросил из-за спины Минхо.

Ньют обернулся.

– Хоть раз мозгами пораскинь, башка твоя кланковая!

Минхо поморщился – скорее ошеломленно, нежели злобно.

– Эй-эй, Ньют, – произнес Томас. – Дела у нас хреновые, никто не спорит, но нельзя же так срывать. Что с тобой?

– Я тебе объясню что. Ты типа такой крутой, водишь нас по Лабиринту вслепую, без плана. Мы бегаем, как цыплята в поисках кормушки, а Минхо, мать его так, постоянно задает тупые вопросы.

Минхо тем временем оправился и буквально вскипел от негодования:

– Слышь, ты, кланкорожий! Думаешь, нашел следы пыли – так все, ты гений? И без тебя понятно: кто-то притырил оружие – ну и?.. Вижу я твою драную пыль. Подумаешь, открытие! Скоро начну загигать пальцы всякий раз, как ты врубаешь Капитана Очевидность.

Ньют переменился в лице; пораженный и вместе с тем усталый, он пробормотал:

– Извините. – Затем развернулся и вышел.

– Какого хрена? – прошептал Минхо.

Видно, Ньют начинает терять рассудок. Говорить об этом вслух Томас не хотел, да и не пришлось. К счастью, Бренда кое-что заметила:

– Он, кстати, не зря на вас наорал.

– Почему это? – не понял Минхо.

– Опустила только одна секция стеллажа, не хватает двухтрех стволов. Ньют верно заметил: взяли их с час назад.

– И?.. – потребовал продолжения Минхо.

Томасу тоже не терпелось услышать объяснения.

Девушка заговорила, жестикулируя так, словно ответ очевиден:

– Охранники приходят сюда, когда им нужна замена оружия или что-нибудь еще, кроме пушек. С какой стати приходить всем гарнизоном? Именно сегодня? К тому же пушка – штука тяжелая, из нее не постреляешь, если в руках у тебя другой ствол. Так где оружие, которое пришли заменить?

Глава пятнадцатая

Первым мнение высказал Минхо:

– Думаю, они были готовы к нашему побегу и просто не хотели нас кокать. Если в голову не стрелять, то из пушки человека можно только оглушить на время. Вот наемники прибежали и в дополнение к обычным пистолетам затарились пушками.

Еще до того как он произнес последнее слово, Бренда замотала головой:

– Нет. Охрана по уставу носит пушки, поэтому нет смысла всем сразу заваливаться в арсенал и хватать дополнительное оружие. Что бы вы там ни думали, ПОРОК не ставит себе целью убить как можно больше народу. Даже шизов, которые сюда прорываются.

– Так шизы прорывались сюда прежде? – спросил Томас.

Бренда кивнула:

– Чем дольше они болеют, тем отчаяннее становятся. Сомневаюсь, что охрана...

– Вдруг именно это и случилось? – перебил ее Минхо. – Звучала тревога – так, может, в здание ворвались шизы, похватали пушки, оглушили охрану и схавали всех? Может, наемников потому так мало, что почти все они мертвы?

Томаса по-прежнему не отпускали воспоминания о конченных шизах: те, кто сумел прожить со Вспышкой достаточно долго, становятся зверями в человеческом теле.

Вздыхнув, Бренда сказала:

– Черт, а вдруг ты прав... – Она подумала немного. – Нет, серьезно: что, если кто-то проник в здание и захватил часть арсенала?

По спине побежали мурашки.

– Коли так, то влипли мы куда сильнее, чем думали.

– Значит, иммунитет не лишил вас способности думать. Вот и славненько.

Это произнес Ньют, стоявший в дверях.

– Ты бы лучше нормально все объяснил, а не психовал почему зря, – без капли сострадания ответил Минхо. – Не думал, что сорвешься так быстро. Но ты снова с нами, и это хорошо. Нам пригодится шиз – отслеживать других больных, если они и правда проникли в штаб.

Томаса такая прямота покорила, и он перевел взгляд на Ньюта – что тот ответит.

Старший глэйдер явно расстроился.

– Ты, Минхо, не умеешь вовремя захлопнуть варежку. Оставляешь за собой последнее слово, да?

– Завали хлебало, – очень спокойно ответил Минхо. Того и гляди сам сорвется. Воздух в комнате чуть не гудел от напряжения.

Ньют медленно подошел к Минхо, постоял немного и резко – как атакующая кобра – ударил друга по лицу. Минхо приложился о пустую оружейную стойку, но вернул равновесие и, бросившись на Ньюта, повалил его на пол.

Томас не успел ничего сообразить – так быстро все произошло. Очнувшись наконец, ринулся разнимать дерущихся.

– Хватит! Стойте! – кричал он, оттаскивая Минхо за шкуру – впрочем, безуспешно. Двое глэйдеров сцепились всерьез, мутузя друг друга; руки и ноги мелькали размытыми пятнами.

Наконец вмешалась Бренда, и вместе с Томасом они сумели оттащить Минхо. Тот продолжал размахивать кулаками и случайно заехал Томасу локтем в челюсть. Томас рассвирепел.

– Да сколько можно тупить?! – закричал он, заламывая Минхо руки за спину. – У нас общий враг, если не два! А вы драться вздумали!

– Он первый начал! – воскликнул Минхо, брызжа слюной прямо на Бренду.

Утершись, та сказала:

– Как дети малые, ей-богу.

Минхо, оставив тщетные попытки вырваться, не ответил. До чего же противно. Известно, что хуже: то, что Ньют начинает сходить с ума, или что Минхо – тот, кому полагается сохранять здравый рассудок, – ведет себя не лучше безмозглого зверя.

Ньют встал с пола и осторожно коснулся ссадины на щеке.

– Я сам виноват. Меня все начинает вымораживать. Давайте, ребята, думайте, как нам быть. Мне надо передохнуть.

Сказав это, он снова вышел из арсенала.

Томас разочарованно выдохнул и отпустил Минхо. Оправил футболку. Нет времени ссориться по пустякам. Если уж решили выбираться из штаба ПОРОКа, то надо действовать сообща.

– Минхо, прихвати для нас еще несколько пушек и заодно парочку пистолетов. Бренда, ты пока затарься боеприпасами, а я пойду приведу Ньюта.

– Неплохо придумано, – ответила девушка и огляделась.

Минхо не сказал ни слова, просто пошел рыться на полках.

Ньют, привалившись к стене, сидел в коридоре, футах в двадцати от арсенала.

– Только молчи, – предупредил он, когда Томас присел рядом.

Н-да, отличное начало.

– Послушай, – все-таки заговорил Томас, – творится нечто странное. Либо ПОРОК снова проверяет нас, либо в здание и правда ворвались шизы. И тогда они носятся по всем этажам, убивая людей направо и налево. Нам же надо отсюда выбираться всем составом.

– Без сопливых солнце светит. – Вот и все, ни слова больше.

– Ну так оторви зад от пола и пошли с нами. Ты же говорил, что нет времени на ссоры. Сам учил держаться вместе. Нельзя сейчас распускать нюни.

– Без сопливых. – Ну вот опять.

Томас никогда прежде не видел друга в столь глубоком отчаянии. Глядя на Ньюта, такого беспомощного, он чувствовал дикую боль.

– Мы все потихоньку шизе... – Томас осекся. Хуже слов не придумаешь. – В смысле...

– Да замолчи ты, – оборвал его Ньют. – У меня в башке начинается бардак, я чувствую. Только ты не ссы в компот. Вот сейчас оклемаюсь и пойдем спасать вас. Потом как-нибудь займусь собой.

– Что значит – пойдем спасать вас?

– Ну... нас. Да какая разница? Просто дай отдышаться.

Мир Лабиринта остался в невообразимо далеком прошлом. Тогда Ньют был хладнокровен и собран, теперь же он разваливает группу, разобщает. Похоже, ему наплевать на друзей, а на себя – и подавно.

– Вот и отлично, – сказал Томас. Пока главное – относиться к Ньюту как прежде. – Однако времени у нас в обрез. Бренда как раз собирает боеприпасы, ты должен ей помочь – надо оружие дотащить до ангара.

– Прорвемся. – Ньют поднялся на ноги. – Правда, мне надо закончить одно дельце. Я быстро.

И он отправился назад, в комнату рецепции.

– Ньют! – окликнул Томас друга. Что он задумал? – Не глупи! Нам пора двигаться дальше. Надо держаться вместе.

Ньют, не оборачиваясь, ответил:

– Мародерствуйте пока! Я всего на пару минут!

Томас покачал головой. Того рационального и вдумчивого Ньюта, каким он был когда-то, уже не вернуть. Парень вздохнул и направился в арсенал.

Они с Брендой и Минхо взяли сколько могли унести и разделили награбленное на троих: Томас и Минхо в передние карманы джинсов сунули по заряженному пистолету, в задние – по несколько обойм. Бренда держала в руках картонную коробку с синеватыми шоковыми снарядами и патронами для пистолетов, положив поверх крышки свою пушку.

– Тяжело, наверное? – указал на коробку Томас. – Давай я...

– Переживу, пока Ньют не вернется, – отрезала Бренда.

– Мало ли что ему в башку втемяшилось, – заметил Минхо. – Ньют себя так прежде не вел. Вспышка разъедает ему мозг.

– Он обещал скоро вернуться. – Минхо достал уже все портить. – И давай следи за базаром при Ньюте. Не хватало, чтобы ты опять его выбесил.

– Помнишь, что я говорила, когда мы ночевали в грузовике посреди города? – сказала Бренда.

Ничего себе смена темы! Чего это Бренда о пустыне толкует? Томас только-только забыл о ее притворстве.

– Что? – переспросил он. – Хочешь сказать, ты не во всем меня обманывала?

Ну, пожалуйста, пожалуйста, пусть она скажет «да».

– Прости, Томас, я наврала о том, почему меня забросили в Жаровню. И я не ощущала, как Вспышка пожирает мой разум. Остальное же – правда. Клянусь. – Она умоляюще посмотрела ему в глаза. – В общем, я рассказывала, что мозговая активность только усиливает поражение, когнитивную деструкцию. Поэтому анальгетики так популярны среди тех, кто может их себе позволить. Они замедляют мозговую деятельность и тем самым оттягивают конец. Лекарство очень, очень дорогое.

Не может быть. И здесь есть люди, не причастные к опытам, живущие в заброшенных домах – как там, в Жаровне.

– Эти... кто принимает лекарство, они еще способны вести нормальную жизнь? Работать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.